

сериал

ДАНИЕЛА ХАРМОН

*Благородный
дикарь*

Де Монфоры

Данелла Хармон

Благородный дикарь

«Издательство АСТ»

1997

УДК 821.111-31(73)

Хармон Д.

Благородный дикарь / Д. Хармон — «Издательство АСТ»,
1997 — (Де Монфоры)

ISBN 978-5-17-116797-4

Наивная молодая американка Джульет Пейдж искренне считала, что семья ее погибшего знатного жениха-англичанина Чарльза де Монфора обрадуется, узнав, что после него осталась дочь, крошка Шарлотта. Однако глава семьи Монфор, герцог Блэкхит, без колебаний указал и ей, и ребенку на дверь. И неизвестно, что стало бы с ними, если бы не неожиданный благородный порыв младшего из Монфоров, Гаррета, внезапно предложившего Джульет руку и сердце... Однако какие шансы на супружеское счастье могут быть у столь странного брака? Ведь сердце Джульет по-прежнему принадлежит погибшему возлюбленному, а легкомысленный повеса Гаррет кажется на первый взгляд самым неподходящим кандидатом в верные и любящие мужья...

УДК 821.111-31(73)

ISBN 978-5-17-116797-4

© Хармон Д., 1997
© Издательство АСТ, 1997

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Данелла Хармон Благородный дикарь

Danelle Harmon
THE WILD ONE

Печатается с разрешения литературных агентств Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Перевод с английского Н. С. Хасаия

Компьютерный дизайн Г. В. Смирновой

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

© Danelle Harmon, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Пролог

Ньюман-Хаус, 18 апреля 1775 года

Люсьен, брат, приветствую тебя! Вот решил черкнуть тебе несколько строк. Еще один непростой день позади, на город спустились сумерки. Генерал Гейдж, главнокомандующий наших сил здесь, в Бостоне, направил несколько подразделений, в том числе и мое, в Конкорд с приказом захватить и уничтожить крупный склад оружия и боеприпасов мятежников.

Ночью мы отправляемся. Учитывая секретный характер операции, я приказал своему ординарцу Биллингсхерсту отправить это письмо по ее завершении.

Отчего-то на сердце у меня беспокойно, но боюсь я не за себя: меня беспокоит судьба моей дорогой Пейдж – я писал тебе о ней. Эту женщину, как ты знаешь, я встретил здесь и полюбил всем сердцем. Ты наверняка осуждаешь меня: ведь она всего лишь дочь лавочника, – но здесь на такие условности не обращаешь внимания. Когда находишься в трех тысячах миль от дома, когда не знаешь, наступит ли завтра, любовь куда предпочтительнее, чем ощущение одиночества. А мисс Пейдж сделала меня счастливым: наконец согласилась выйти за меня замуж. Надеюсь, брат, ты поймешь меня: придет время, ты с ней познакомишься и полюбишь ее, как полюбил я.

В эти последние минуты перед боевой операцией на всякий случай прошу тебя исполнить мою единственную – возможно, последнюю – просьбу. Если со мной что-то случится – пусть не сегодня, – прояви милосердие и доброту к моему ангелу, моей Джульет: она для меня – все. Надеюсь, ты позаботишься о ней, если вдруг я не смогу сам. Эта мысль согревает мне сердце.

Все. Пора. Наши уже собрались внизу и готовы отправиться в путь.

Спаси и сохрани Господь тебя, мой дорогой брат, а также Гаррета, Эндрю и милую Нериссу.

Чарльз.

Вечерело. Строки расплывались перед глазами, и Люсьен де Монфор, опустив руку с письмом, взглянул в окно. Белые известковые холмы в свете догорающего дня стояли словно часовые. На западе небо еще сохраняло розовый отсвет заката, но и он скоро исчезнет. Люсьен ненавидел это время суток: в первый час после заката солнца будто оживают призраки прошлого, а события минувших дней обретают такую отчетливость, словно происходили не далее как вчера. Но воспоминания так и остаются воспоминаниями, а вот это письмо – реальность, причем самая что ни на есть объективная.

Он провел большим пальцем по плотному листу бумаги, исписанному изящным четким почерком брата. Деловитость и решительность, характерные черты Чарльза, проявлялись не только в мыслях и действиях, но даже в почерке.

Удивительно, но чернила, которыми было написано письмо, до сих пор не поблекли, хотя брат прислал его в апреле прошлого года. Послание было адресовано ему: его светлости герцогу Блэкхиту – и отправлено в их родовое поместье Блэкхит, Беркшир, Англия.

Похоже, это были последние в жизни слова, написанные Чарльзом. Люсьен аккуратно сложил письмо, истершееся на сгибах. Края взломанной печати из красного воска, которой брат запечатал конверт, точно совпали, и печать напоминала теперь незажившую рану. Его

взгляд против воли опять упал на надпись, которую кто-то – возможно, Биллингшерст – сделал на обратной стороне конверта:

*Найдено на столе капитана лорда Чарльза Эдейра де Монфора 19 апреля
1775 года, в день, когда его светлость погиб в сражении под Конкордом.
Просьба доставить отправителю.*

Сердце Люсьена защемило от боли: брат убит и почти забыт – вот так-то!

Герцог Блэкхит положил письмо в ящик стола, запер на ключ и опять устремил взгляд в окно. Теперь он хозяин всего, что открывалось взору, но побороть горькое чувство одиночества это не помогало. В миле от замка, у подножия известковых холмов, мерцали огоньки деревни Рейвенском, на окраине которой, на кладбище, находили свой последний приют все Монфоры. Там же стояла древняя церковь с норманнской часовней, внутри которой, на каменной стене, висела простая бронзовая дощечка с именем и датами жизни Чарльза – вот и все, что осталось от брата.

Чарльз, второй сын, погиб, и не приведи Господь, что-нибудь случится с самим Люсьеном! Тогда все земли и все имущество перейдут в руки их младшего брата.

Нет, только не это! Не может Всевышний проявить такую жестокость.

Герцог задул свечу и вышел из погрузившейся в темноту комнаты.

Глава 1

Англия, Беркшир, 1776 год

Почтовый дилижанс «Белая стрела», направлявшийся в Оксфорд, опаздывал. Пытаясь наверстать время, потраченное на ремонт – сломалась ось, – кучер нахлестывал лошадей, и дилижанс с грохотом несся в ночи под топот копыт и испуганные крики пассажиров, сидевших на империале, – их путешествие при такой гонке не отличалось комфортом.

Мощные фонари, пробиваясь сквозь завесу дождя, высвечивали канавы, деревья и живые изгороди, а дилижанс несся вдоль холмов Лембурна на такой скорости, что у Джульет Пейдж сердце сжималось от страха за свою шестимесячную дочь Шарлотту. Благодаря ребенку ей посчастливилось заполучить место внутри дилижанса, но даже здесь она без конца ударялась головой то о кожаную стенку сиденья, то о плечо пожилого джентльмена, сидевшего слева. От жуткой тряски у нее разболелась шея, ее мутило, почти как во время утомительного путешествия по морю из Бостона.

Дилижанс налетел на ухаб, подпрыгнул и тяжело приземлился. Джульет с силой отброшено на соседа слева. Сидевшая напротив нее еще одна молодая мамаша крепко прижала к себе двоих испуганных детишек. Пассажиры, цепляясь за потолок и стены, в ужасе закричали. С крыши сорвался и полетел на дорогу чей-то чемодан, но кучер никак на это не отреагировал и кони не замедлили бег.

– Господи, помоги нам! – пробормотала молодая мамаша, сидевшая напротив.

Джульет ухватилась за поручень и, прижимая к себе ребенка, опустила голову, пытаясь справиться с приступом тошноты. Несколько раз глубоко вздохнув, она прикоснулась губами к мягким золотистым кудряшкам и едва слышно прошептала:

– Мы почти на месте: еще немного – и увидишь дом своего отца.

Неожиданно послышались крики, испуганное конское ржание и отборная брань кучера. На крыше кто-то из пассажиров завизжал. Дилижанс рискованно накренился, едва не завалившись на бок, проехал футов сорок-пятьдесят на двух колесах, отчего пассажиры в ужасе завопили, и, наконец, тяжело опустился на четыре колеса. Оконное стекло разлетелось вдребезги, а пожилой джентльмен, сидевший слева от Джульет, рухнул на пол. На империале кто-то из пассажиров рыдал, кто-то кричал от страха и боли, а внутри дилижанса царил мертвая тишина.

– На нас, кажется, напали разбойники! – воскликнул сосед Джульет, не поднимаясь с колен и пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь залитое дождем оставшееся целым стекло.

Прогремели выстрелы, и в следующий момент сверху упало что-то тяжелое.

За зловеще темным окном началось какое-то движение, и вдруг и это стекло с грохотом разбилось, окатив пассажиров градом осколков.

До смерти напуганные люди увидели направленный на них ствол пистолета и физиономию в маске:

– Деньги, цацки – все, что есть! Быстро!

Тьма стояла – хоть глаза выколи: ни луны, ни звезд.

Лорд Гаррет Френсис де Монфор летел во весь опор на своем Крестоносце – на такую бешеную скорость мог решиться разве что самоубийца. Дождь сек лицо, мимо мелькали то дубравы, то березовые рощицы. Копыта коня вздымали фонтаны брызг из луж, оставшихся после дождя, и топот эхом отдавался в густых зарослях, с обеих сторон обрамлявших дорогу. Гаррет оглянулся через плечо и, убедившись, что дорога позади пуста – от остальных оторвался основательно, – издал торжествующий крик. Он опять выиграл! Опять обставил Перри, Чилкота и остальную компанию кутил и дебоширов! Им никогда за ним не угнаться!

Рассмеявшись, Гаррет похлопал Крестonosца по шее:

– Здорово, приятель! Молодчина...

Вдруг он заметил, что впереди на дороге что-то происходит, и резко осадил коня. Ему потребовалось всего мгновение, чтобы оценить ситуацию.

Разбойники. Судя по всему, грабят пассажиров «Белой стрелы» из Саутгемптона.

«Белая стрела»? Молодой джентльмен извлек из кармана часы и всмотрелся в циферблат. Поздновато для дилижанса...

Конь стал проявлять признаки беспокойства. Гаррет, успокаивая, погладил его по холке и принялся соображать, что делать.

Судя по тому, что на земле рядом с дилижансом лежали убитые, это не обычные грабители, а отъявленные головорезы. Решение пришло мгновенно, когда один из бандитов распахнул дверцу и принялся грубо вытаскивать из дилижанса упиравшуюся молодую женщину. Гаррет выхватил пистолет. Мысль, чтобы повернуть назад и скрыться, даже не пришла ему в голову, как не пришла и другая: подождать своих приятелей.

Гаррет едва успел взглянуть на ее лицо: испуганное, бледное, – как другой бандит выстрелами разбил фонари дилижанса, и все вокруг окутала тьма. Кто-то вскрикнул, но очередной выстрел резко оборвал крик.

Помрачнев, молодой джентльмен связал узлом поводья и аккуратно, палец за пальцем, снял перчатки. Так же не спеша, не спуская настороженного взгляда с бандитов, высвободил ноги из стремян и легко спрыгнул на землю, хотя его щегольские сапоги из испанской кожи при этом по щиколотку погрузились в раскисшее от дождя известковое месиво.

Конь даже не шевельнулся. Гаррет снял и положил на седло вместе с перчатками и треуголкой новый сюртук, заправил кружевные манжеты в рукава, чтобы ненароком не загорелись от выстрела, и, зарядив пистолет, крадучись стал пробираться сквозь заросли на обочине дороги к дилижансу. Приходилось соблюдать максимальную осторожность, чтобы не обнаружить себя и успеть выстрелить до того, как налетчики набросятся на него.

– Всем выйти! Быстро!

Крепко прижимая к себе Шарлотту, Джульет умудрилась сохранить спокойствие, когда разбойник, схватив за запястье, грубо вытащил ее из дилижанса. Ноги утонули в жидкой белой грязи, и она упала бы, не удержи ее огромная лапища бандита, похожая на медвежью. Осмотревшись, Джульет заметила неподалеку трупы: бандиты убили кучера, охранника и кого-то из пассажиров – и вздрогнула. Хорошо еще, что темно. Случись это днем, бедные детишки, которые все еще находились в дилижансе, до смерти испугались бы, увидев ужасную картину.

С ребенком на руках она встала рядом с другими пассажирами, которых выстроили перед дилижансом, в то время как бандиты стаскивали вниз оставшихся на империале. Рыдала женщина, плакала маленькая девочка, в страхе прижимаясь к пожилому мужчине – очевидно дедушке. Один из пассажиров, судя по одежде – джентльмен, гневно возмутился неподобающим обращением с женщинами и детьми, и бандит, не говоря ни слова, тут же убил его выстрелом в живот. Пассажиры застыли в ужасе. Наконец из дилижанса вытащили последних пассажиров: мать с двумя детьми, которые цеплялись за ее юбки и жалобно плакали.

Теперь все они стояли в темноте под дождем и молча ждали, когда до них дойдет очередь и бандиты отберут все, что у них есть: деньги, драгоценности, часы.

Подошла очередь Джульет.

– Выкладывай деньги, милашка, да пошевеливайся!

Джульет молча протянула бандиту ридикюль, но инстинктивно вскинула руку, прикрывая медальон.

– И это тоже!

Бандит злобно сорвал золотую цепочку с ее шеи и бросил в кожаный мешок вместе с миниатюрой погибшего отца Шарлотты.

– Драгоценности есть? Кольца?

– Нет, – безжизненным голосом ответила Джульет, не отрывая взгляда от кожаного мешка, в котором исчезло то, что было для нее дороже всего.

Но бандит схватил ее за руку и увидел кольцо с печаткой Чарльза – последнее, что подарил ей обожаемый жених перед тем, как погиб в бою под Конкордом: залог обещания, выполнить которое не позволила смерть.

– Никак обманывать вздумала, грязная сучка!

Джульет взглянула ему прямо в глаза и твердо повторила:

– Нет!

Ответом ей был удар по лицу тыльной стороной ладони, от которого она, не удержавшись на ногах, рухнула в грязь и, прикрывая ребенка, до крови поранилась о камень. Шарлотта заплакала, а Джульет, подняв глаза, увидела в двух дюймах от себя дуло пистолета и ухмыляющуюся рожу бандита.

А в следующее мгновение прогремел выстрел и на груди у бандита стало расплываться темное пятно, словно распустилась черная роза. Качнувшись вперед, он на секунду замер и свалился замертво.

Всего один выстрел, но, черт возьми, какой: в самое яблочко!

Два других бандита в недоумении круто развернулись на звук выстрела, а увидев руку с пистолетом под кружевным жабо и манжетами, а также атласный жилет, щегольские сапоги и бриджи, глазам своим не поверили. Гаррет усмехнулся: похоже, в нем видели спелую сливу, готовую упасть прямо в руки, – есть чем поживиться.

Медленно извлекая из ножен саблю, он тихо процедил:

– А сейчас вы сядете на своих коней и как можно быстрее скроетесь, если не хотите неприятностей.

На какое-то мгновение и бандиты, и пассажиры застыли на месте, потом на физиономии одного из налетчиков появилась гаденькая ухмылка, а второй фыркнул.

– Я сказал – быстро! – скомандовал Гаррет, не повышая голоса, и медленно шагнул им навстречу.

И тут началось...

Оба бандита одновременно выстрелили, и пули просвистели совсем рядом. Пассажиры с криками упали на землю, спасаясь от выстрелов. Лошади, запряженные в дилижанс, с испуганным ржанием подались назад. Гаррет, выхватив саблю, бросился к бандитам, стараясь не дать им возможности перезарядить пистолеты, но поскользнулся и рухнул в грязь, основательно оцарапав щеку. Один из бандитов, изрыгая грязные ругательства, тут же бросился к нему, собираясь прикончить, но прежде, чем прозвучал выстрел, Гаррет успел рывком откатиться в сторону. Пуля подняла в воздух фонтанчик грязи как раз в том месте, где только что было его плечо.

Бандит с ревом бросился к нему, целясь из другого пистолета. Не теряя присутствия духа, Гаррет попытался подняться на ноги и дотянуться до сабли. Бандитов было двое, пистолет не заряжен, а до шпаги не дотянуться, но он не сдавался. Перекатившись на спину и как-то ухитрившись схватить саблю, собрал все силы и бросился на приближавшихся бандитов. Мощным ударом он чуть не обезглавил одного. Рухнув на спину, бандит схватился за горло и испустил предсмертный хрип. В следующий момент Гаррет с ужасом увидел, что к нему бежит ребенок, очевидно решив найти у него защиту.

– Билли! – послышался женский крик. – Билли, вернись!

Оставшийся в живых бандит мгновенно повернулся на крик, увидел приближавшегося ребенка, потом – бездыханные трупы своих дружков и, решив взять хоть какой-то реванш за неудачную ночь, прицелился мальчику в спину.

– Биллии-и-и!

Собрав последние силы, Гаррет бросился к ребенку, сбил его на землю и прикрыл своим телом. Выстрел прозвучал так близко, что оглушил. Ему как огнем обожгло бок, но он все же успел несколько раз перекатиться, не выпуская ребенка из рук. Кровь хлынула из раны; он так и остался лежать на спине, и капли дождя падали на разгоряченное лицо.

Прежде чем сознание покинуло Гаррета, вспомнились его же собственные слова, сказанные совсем недавно: «Здорово, приятель! Молодчина...»

Мальчик высвободился из его объятий, вскочил и с ревом помчался к матери.

А лорд Гаррет де Монфор провалился в благословенную тьму...

Глава 2

– Надо ему помочь! – воскликнула Джульет и, сунув Шарлотту молодой мамаше, сломя голову бросилась к их спасителю.

Остальные пассажиры, все еще не оправившиеся от потрясения, топтались на месте словно стадо овец, но слова Джульет постепенно дошли до их сознания и, связав последнего бандита, они бросились следом за ней.

– Он жив?

– Сохрани его Господь, ведь он спас этого ребенка, милого маленького мальчика...

Джульет подбежала к нему первой. Он лежал на спине, почти скрытый бурьяном, недвижимый, истекающий кровью. Опустившись на колени, она взяла его безжизненную руку и, откинув кружево манжеты, попыталась нащупать пульс.

Подбежали и другие пассажиры, стали наперебой спрашивать:

– Он умер?

И сами же отвечали:

– Мне кажется, да. Ах бедный, бедный...

Джульет буркнула через плечо:

– Да жив он, жив, но, боюсь, может умереть, если мы не поторопимся позвать кого-нибудь на помощь!

Она заметила, что элегантная одежда раненого сбоку пропиталась кровью, а щеки, затененные полукружиями опущенных темных ресниц, белы как мел.

Осторожно примяв бурьян, Джульет приподняла его голову и попросила:

– Дайте что-нибудь подложить под голову!

От раненого пахло спиртным, влажные волосы выбились из косицы и мягкими прядями упали на ее пальцы. Кто-то пожертвовал своим камзолом, она осторожно подложила его раненому под голову и предложила:

– Давайте-ка перенесем его в дилижанс.

Джульет инстинктивно приняла руководство ситуацией на себя. Слава богу, она выросла в диком уголке штата Мэн и научилась сохранять самообладание в любом случае.

Их раненый спаситель хоть и был худощав, но зато высок, с хорошо развитой мускулатурой, так что поднять его было нелегко, но они справились. Двое пассажиров расстелили на траве одеяло, а третий спешно убирал из дилижанса осколки стекла. Молодая мамаша, бледная и молчаливая, пыталась успокоить захныкавшую Шарлотту, оставленную на ее попечение, а двое ее детишек испуганно прятались в складках ее юбок.

Джульет, не обращая внимания на плачущую дочь, скомандовала:

– Кладите его сюда, только осторожно: он тяжело ранен!

Пассажиры окружили их плотным кольцом. Этот любезный джентльмен спас им жизнь, и каждому хотелось чем-то помочь. Со всеми предосторожностями героя уложили на одеяло, и Джульет, опустившись на колени, развязала безукоризненно завязанный кружевной галстук, а когда попыталась расстегнуть жилет, пальцы ее окрасились кровью.

– Ты не можешь умереть! После всего, что ты сделал для нас, я этого не допущу! – воскликнула Джульет и попросила принести огня.

Кто-то притащил свечу и огниво, и вскоре слабая пламя осветило встревоженные лица. Когда она осторожно расстегивала последнюю пуговицу его жилета, голова раненого чуть двинулась на одеяле, он застонал, ресницы его затрепетали, а губы невнятно произнесли:

– Ребенок...

– С мальчиком все в порядке. Лежите спокойно, тогда и с вами все будет в порядке, – сказала Джульет, украдкой наблюдая, как пассажиры укладываются рядком и прикрывают трупы. «Господи, не допусти, чтобы и этот джентльмен присоединился к ним».

Не обращая внимания на расплакавшуюся дочь, на привязанного к дереву бандита, изрыгавшего ругательства, на сгрудившихся вокруг пассажиров, которые дышали ей в затылок, Джульет сосредоточилась на раненом и скомандовала:

– Мне нужен нож.

Ей услужливо протянули небольшой нож, и она на ощупь разрешила до пояса сорочку раненого, насквозь пропитавшуюся кровью. При слабом свете свечи было трудно разглядеть рану, из которой все еще шла кровь. Оторвав полоску ткани от своей нижней юбки, Джульет попыталась сделать тампон, чтобы остановить кровотечение.

– Его лучше не трогать: может истечь кровью. Не знает ли кто-нибудь, есть ли поблизости какой-нибудь населенный пункт? Ему срочно нужен врач.

– Кажется, мы почти в Рейвенском, – ответил кто-то. – Да и Лембурн недалеко.

Джульет покачала головой:

– Придется кому-то из вас отправиться за врачом. И поскорее!

Ее резкий тон возымел действие. Двое мужчин тут же бросились распрягать лошадей, но тут из темноты появился третий. Мужчина держал под уздцы чистокровного гнедого жеребца.

– Возьмите лучше этого. Он уже оседлан.

После непродолжительных споров, кто именно отправится в путь, один из мужчин вскочил в седло и ускакал.

Время шло. Малышка больше не плакала, притих даже бандит, привязанный к дереву, и только шелест листьев в кронах буков да шум дождя нарушали тишину. Дождь усилился, и двум женщинам пришлось держать над раненым пальто, пока Джульет, оторвав очередную полосу от нижней юбки, пыталась справиться с кровотечением, крепко перевязав ему торс.

Пассажиры застыли в ожидании, не разговаривали между собой, но каждый заново переживал случившееся этой ночью: выстрелы, нападение, смерть... и этот неизвестно откуда взявшийся джентльмен, который спас жизнь и вот теперь умирал...

– А сколько времени потребуется Хокинсу, чтобы доехать до деревни? – спросил кто-то.

– Минут пятнадцать. И хорошо, если там есть врач...

Раненый еле слышно застонал и попытался дотронуться до раны, но Джульет перехватила его руку: изящной формы, с длинными пальцами и аккуратными ногтями, окруженная кружевной манжетой, – такая может быть только у джентльмена, хотя и весьма искусно обрабатывавшегося с оружием.

– Лежите спокойно, помощь уже близко, – тихо приказала Джульет и поманила к себе мать с мальчиком. Если уж благородному спасителю суждено умереть, то пусть хотя бы увидит ребенка и убедится, что не зря рисковал жизнью.

Раненый открыл глаза и обвел присутствующих затуманенным взглядом. Его глаза в окаймлении длинных ресниц – глаза мечтателя и романтика, – почему-то показались Джульет удивительно знакомыми.

– Что с ребенком?

– С ним все в порядке. Вы настоящий герой: спасли ему и всем нам жизнь.

– Едва ли, – слабо улыбнулся спаситель. – Просто оказался в нужном месте в нужное время.

Джульет не возражала, когда он поднес ее руку к своей щеке, а потом опять закрыл глаза и повернул голову так, что его губы оказались у ее ладони.

– Такие, как я, героями не бывают.

– Позвольте нам всем не согласиться с вами, сэр, – решительно заявила Джульет, и ее единодушно поддержали все пассажиры. – Скажите же ваше имя. Где вы живете? Ваши родные наверняка беспокоятся, и мы должны сообщить им о случившемся.

– Мои родные...

Договорить ему не дали раздавшиеся из-за поворота крики, хохот и топот копыт.

– Эй, кто-нибудь, остановите их! – крикнула Джульет, увидев группу всадников, мчавшихся по дороге с бешеной скоростью.

Один из пассажиров побежал наперерез всадникам, размахивая руками.

– Стойте! У нас здесь раненый!

Ближайший всадник осадил взмыленного коня:

– Что стряслось?

Вслед за ним придержали коней и остальные. Компания была явно навеселе. Молодые люди хорошо погуляли, а потом устроили состязание на ночной дороге. Все они спешили и направились к группе людей у дилижанса, уже понимая, что им нужна помощь.

– Черт побери, да ведь это Гаррет! – воскликнул тот, что подошел первым, опускаясь на колени рядом с раненым так поспешно, что косица его роскошного парика резко подпрыгнула. – Что здесь произошло, старина? Проклятье! Да ты же истекаешь кровью как чертова свинья!

– Придержи язык, Чилкот... здесь женщины и дети.

– Какого... Скажи наконец: что произошло?

Джульет подняла голову и взглянула в глаза тому, кого раненый назвал Чилкотом. Судя по всему, они оба ее ровесники, хотя у нее, вне всякого сомнения, побольше здравого смысла, чем у всей этой компании.

– Разве вы не видите, в каком он состоянии? Ему нельзя говорить. О том, что произошло, могу рассказать я.

И она вкратце поведала молодым людям о нападении разбойников на дилижанс, а остальные пассажиры то и дело дополняли рассказ подробностями.

Один из молодых людей достал из кармана фляжку и, приподняв голову раненого, приложил ее к его губам.

– Вы точно говорите о нем? Гаррет своим телом защитил ребенка от пули и спас всех вас?

– А чему ты удивляешься, Кокем? – сказал, растягивая слова, самый высокий мужчина из их компании, доставая табакерку. – Разве не он всегда уходил с петушиных боев, спасал щенков, избегал пользоваться шпорами? Не стой как истукан. Гони за помощью, да поживей!

– Перестань, Перри, – пробормотал раненый, явно смутившись, и попытался было сесть, но не смог и, стиснув зубы, с шумом втянул воздух. – Лучше бы мне помог!

– Вам лучше лежать, мистер Гаррет, пока вас не осмотрит врач, – решительным жестом положила руку ему на грудь Джульет.

– Слушайся леди, Гаррет! Попал под каблучок, вот и терпи, а ведь она тебе даже не жена.

– Вы, господа, кажется, считаете себя его друзьями? – вспыхнула Джульет.

– Мы все одна компания: повесы и шалопаи, – фыркнул один из молодых людей.

Джульет взглянула на высокого надменного Перри – он единственный из всей компании был вроде бы трезв.

– А вы, я полагаю, у них заводила?

– Нет, мадам, не угадали. – Он кивком указал на раненого. – Это Гаррет у нас всему голова.

– Понятно. В любом случае, вместо того чтобы стоять без дела и наблюдать, как ваш приятель истекает кровью, помогите бы перенести его в дилижанс. Поскольку вы, видимо, знаете, где найти врача, можно было бы самим отвезти к нему раненого.

У Перри округлились глаза, и его дерзкое высокомерие исчезло. Он выпрямился и с уважением взглянул на хрупкую молодую женщину со странным акцентом, которая стояла на коленях рядом с его другом, потом улыбнулся и, прикоснувшись к полям шляпы, словно признавая ее право распоряжаться, сказал приятелям:

– Она права. Хью, скажи к доктору, предупреди, чтобы встретил нас в замке. Кокем, ты останешься здесь, охранять этих людей. А я сяду на козлы и повезу Гаррета к герцогу.

– Послушайте, – вмешался пожилой пассажир, сердито хватая Перри за рукав. – Какой герцог? Ему, черт возьми, нужен врач!

Но тот лишь усмехнулся, вскинув бровь:

– Так вы не знаете, кто ваш благородный спаситель?

В глазах Перри появился озорной блеск, и, не обращая внимания на сердитый взгляд, которым одарил его раненый приятель, он театрально взмахнул рукой и продекламировал:

– Позвольте представить вам лорда Гаррета де Монфора, третьего сына четвертого герцога Блэкхита, а также брата ныне здравствующего пятого герцога Люсьена. Так что будьте с ним предельно осторожны. Я, например, не имею ни малейшего желания держать ответ перед его светлостью, если с этим шалопаем что-нибудь случится.

Кто-то изумленно присвистнул; лорд Гаррет де Монфор еле слышно выругался, а Джульет Пейдж побелела, как известняк под ногами.

Их благородный спаситель был не просто братом герцога, а братом ее Чарльза и дядюшкой ее маленькой дочери.

Глава 3

Пока пассажиры и друзья Гаррета решали, как лучше поступить, Джульет встала и отошла в сторонку, чтобы прийти в себя от потрясения.

Щеки ее горели огнем, в висках стучало. «Господи! Это брат Чарльза! Вот почему он показался мне знакомым. Они так похожи...»

Пытаясь успокоиться, она несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, на мгновение закрыв глаза и моля Бога дать ей силы. Почувствовав себя лучше, она вернулась к остальным, взяла у молодой мамы Шарлотту и отыскала в кожаном мешке разбойника миниатюру Чарльза.

Перри настоял, чтобы она поехала в дилижансе вместе с Гарретом. Закутав малышку в одеяло, Джульет пристроила ее в углу на заднем сиденье рядом с собой, а Гаррета уложили так, чтобы голова и плечи лежали у нее на коленях. Никто, слава богу, не заметил, что ее сотрясает дрожь. Дверцу закрыли, Перри взобрался на козлы, испустил громкий клич, щелкнул кнутом, и дилижанс тронулся, оставив позади встревоженных пассажиров.

Брат Чарльза...

Джульет ощущала тяжесть его головы у себя на коленях, видела, что он смотрит на нее неподвижными от боли глазами, но отводила взгляд, потому что говорить пока была не в силах. Прислонившись щекой к холодному стеклу, она вернулась мыслями в прошлое, в тот холодный зимний день в Бостоне, когда впервые увидела капитана Чарльза де Монфора.

Он был воплощением всего, о чем могла мечтать любая девушка.

Воспоминания нисколько не потускнели, она помнила все так же отчетливо, как будто это произошло вчера.

В то морозное утро она осталась в лавке отчима за хозяйку и собиралась развести огонь в печурке. День был как день, похожий на все остальные за последнее время: на оконных стеклах морозные узоры, два-три покупателя, у которых еще остались деньги, бродят вдоль полок, выбирая товары. И тут она услышала звонкий цокот копыт по обледеневшей булыжной мостовой, отрывистые команды.

За окном промелькнуло что-то красное. Бросив в печурку последнее полено, Джульет подбежала к окну, протерла ладонью замерзшее стекло и тут увидела его: верхом на коне, полы мундира лежат на мощном крупе животного, светлые волосы перетянуты сзади черной лентой, на голове треуголка. Он выглядел как офицер королевской армии, умелый, бравый, во время смотря войск на городской площади Бостона.

У нее затрепетало сердце. Этот привлекательный мужчина в военном мундире был не похож на прочих. Его мундир выделялся на фоне свежеевыпавшего снега словно красная мантия кардинала, и даже с расстояния примерно тридцати футов она видела, что он джентльмен: спина прямая, голова гордо поднята, руки в перчатках уверенно держат поводья, бриджи по белизне могут соперничать со снегом, сапоги начищены до зеркального блеска. Она не разбиралась в знаках отличия, да ей было совершенно неважно, солдат он или офицер. Она влюбилась, влюбилась с первого взгляда...

– Нет, вы только посмотрите: они устраивают парад прямо на центральной городской площади, как будто хозяева здесь! Самодовольные индюки! Чурбаны неотесанные! – возмутился старый вдовец Мердок, один из покупателей, заметив, что привлекло ее внимание. – Джульет, дай-ка мне полдюжины яиц, да смотри, чтобы были темные, а не белые, как в прошлый раз! И без трещин! Эй, ты меня слышишь?

Дилижанс подскочил на колдобине, грубо вернув Джульет в реальность. Она опять закрыла глаза, пытаясь удержать милое сердцу воспоминание, но оно – увы! – ускользнуло и она вернулась в Англию, за три тысячи миль от дома, от воспоминаний, от Бостона, охваченного войной.

Три тысячи миль отделяло ее теперь от братской могилы близ Конкорда, где она оставила одну красную розу, которую, наверное, давно сдуло ветром.

Она смотрела в ночную тьму, и глаза жгли невыплаканные слезы. Сходство Гаррета с ее возлюбленным Чарльзом пробудило все эти воспоминания, которые Джульет спрятала в самом дальнем уголке души после того ужасного дня в апреле прошлого года. Тяжелая голова Гаррета лежала на сгибе ее руки, и лицо казалось белым пятном в мрачной полутьме дилижанса. Она могла бы догадаться. У братьев похожие мечтательные глаза, одна и та же манера улыбаться, тот же овал лица, и рост, и телосложение, и осанка, только цвет волос разный. У Чарльза волосы были светлые, даже золотистые, тогда как у его младшего брата темно-русые.

Дилижанс преодолел очередной ухаб, и раненый судорожно втянул воздух от боли. Джульет осторожно положила руку ему на грудь, чтобы хоть как-то уберечь от тряски. Его кровь, теплая и липкая, пропитала насквозь лиф ее платья и сужающийся книзу мысок корсажа. Глаза его были закрыты, но ей казалось, что он в сознании. Джульет очень хотелось поговорить с ним, расспросить о Чарльзе, признаться, кто она и кем ему приходится Шарлотта, но она ничего не сказала, посчитав, что не вправе навязываться человеку, который, возможно, умирает. Вместо этого она нащупала в темноте его руку и взяла в свою. Его пальцы сжались, и у нее защемило глаза от слез. «Боже, как он напоминает моего дорогого Чарльза...»

Она поморгала, пытаясь избавиться от пелены перед глазами, и заставила себя не думать о ласковой улыбке Чарльза, его сильном теле, поцелуях. Все эти воспоминания только расслабляли, а ей нужно было сохранять хладнокровие и держать себя в руках.

Она перевела взгляд на спящую дочь и даже не заметила, как по щекам опять покатались слезы, пока не услышала в темноте едва слышный шепот:

– Вы плачете из-за меня?

Шмыгнув носом, она поспешила улыбнуться и покачала головой, но ничего не сказала, чтобы опять не дать волю слезам, – чего нельзя было допустить ни в коем случае. Этот молодой человек и без того страдал, и ее задача не раскисать перед ним, а, наоборот, успокоить, поддержать, вселить в него надежду. Ей стало стыдно: ведь плакала-то она не из-за него, бедняги, а потому, что вспомнила Чарльза.

– Нет-нет, я не плачу, – солгала Джульет и, утерев глаза рукавом платья, отвернулась к окошку.

– Вот как? – Его губы тронула слабая улыбка. – Позвольте-ка мне самому убедиться.

В следующее мгновение она почувствовала прикосновение к своей влажной щеке его пальцев. И было оно таким ласковым, таким добрым, таким нежным, что она замерла от неожиданности, а потом отвела его руку и закрыла глаза, опасаясь, что потеряет самообладание и разревется. Кое-как взяв себя в руки, она наконец взглянула на него.

– Уверены, что вам самой не нужна помощь? – спросил он участливо.

Она покачала головой:

– Лорд Гаррет, ведь это вы ранены, а не я. Со мной все в порядке!

Сама того не желая, она произнесла последние слова довольно резким тоном и тут же пожалела об этом, заметив смятение в его глазах. Ее гнев был направлен не на него, а на судьбу, которая вырвала из жизни сначала одного из этих по-рыцарски благородных братьев, а теперь угрожала вырвать и другого. Хорошо бы сейчас закрыться руками от окружающего мира и выплакать всю накопившуюся боль, но она сдержала себя. Джульет глубоко вздохнула и, встретив озадаченный взгляд Гаррета, пробормотала, покачивая головой:

– Простите за резкость. Я совсем не хотела грубить. Сожалею...

– Нет-нет, не извиняйтесь, – попытался он улыбнуться. – Кстати, если вы плакали из-за меня, то напрасно: мой брат Люсьен не допустит, чтобы я умер.

– Разве он Господь?

– Нет, он герцог Блэкхит, а это, боюсь, значит ничуть не меньше...

Глаза его закрылись. Он слабел, говорил с трудом, хотя и старался придать своему тону беспечность. Сколько в нем силы и абсолютно нет эгоизма, свойственного представителям его класса. Джульет в отчаянии покачала головой.

– Поберегите силы, милорд. Я понимаю, вы пытаетесь вселить в меня уверенность, что с вами все будет в порядке.

– Возможно, но если я и пытаюсь вселить в кого-то уверенность, то в себя. Что в этом плохого?

Она взяла его ладонь в свои, они долго молчали, а потом она спросила:

– Почему вы так поступили? Бросились на помощь, вместо того чтобы спокойно проехать мимо?

Он взглянул на нее с таким удивлением, как будто на ее вопрос даже не нужен ответ.

– О чем вы? Так поступил бы любой джентльмен. Разве мог я проехать мимо, как последний трус, и бросить всех вас на произвол судьбы?

– Понимаю, – сказала она печально, – не могли.

Джульет протянула руку проверить повязку и увидела, что ладонь ее в крови. Вытерев пальцы о свою накидку, она попыталась придать лицу бесстрастное выражение, чтобы не встревожить раненого, но обмануть его не удалось: она поняла это по его взгляду. Заметив, что она расстроена, Гаррет решил приободрить ее и сменил тему разговора.

– Как я понял, у вас есть ребенок?

– Да, дочь. Ей всего полгода.

– Можно на нее посмотреть? Обожаю детишек!

Джульет помедлила: девочка спала, и лучше бы ее не тревожить, – но отказать не смогла, ведь в любую минуту он мог умереть. Осторожно приподняв малышку, она показала ее раненому. Шарлотта захныкала и открыла глазки. У Гаррета сразу же разгладились страдальческие морщинки вокруг рта, на губах появилась слабая улыбка. Он коснулся пальцами крошечных кулачков, даже не догадываясь, что перед ним племянница. У Джульет перехватило горло: на мгновение ей показалось, что это Чарльз прикасается к собственной дочери.

– Ты такая же красавица, как твоя мама, – пробормотал Гаррет. – Пройдет несколько лет, и джентльмены будут ходить за тобой толпами. Как ее зовут?

Вопрос был адресован Джульет, и она ответила:

– Шарлотта.

Малышка окончательно проснулась, перестала хныкать и заинтересовалась кружевом на манжете.

– Шарлотта. Какое красивое имя... А где же ее папа? Разве не он должен вас защищать?

Он даже не подозревал, какой болью отозвались в ее сердце его слова.

Высвободив кружева из кулачка дочери, Джульет опустила ее на сиденье рядом с собой. Лишившись развлечения, малышка сморщила личико и громко заплакала, а ее мама, стиснув зубы, уставилась в окошко, с трудом сдерживая себя в руках.

– Извините, если обидел вас, – с трудом проговорил раненый. – Право, я не хотел.

– Нет-нет, ничего...

– И все-таки вы расстроены...

– Просто ее отца нет в живых, так что позаботиться о нас некому.

– Вот как? Понимаю... – сказал он, явно смутившись. Его глаза, повеселевшие при виде Шарлотты, опять погасли. – Простите меня, мадам: вечно я ляпну что-нибудь...

Шарлотта разревелась еще громче, размахивая кулачками и суча ножками, так что одеяло сползло на пол. Джульет и сама готова была расплакаться.

– Ну, будет, будет. Посадите ее рядом с моей головой, – предложил Гаррет. – Пусть поиграет с жабо.

– Но вы же ранены...

Он улыбнулся:

– И что? Она же плачет.

Гаррет протянул девочке пальцы, но она оттолкнула их, не прекращая кричать.

– Ну вот. А мне говорили, что я умею обращаться с детьми.

Джульет со вздохом посадила дочурку поближе к голове раненого. Шарлотта тут же успокоилась и вцепилась ручонками в его жабо. В дилижансе воцарилась благословенная тишина, которую нарушало лишь дребезжание остатков стекол, скрип пружин, крик Перри, понукавшего лошадей, да топот копыт по темной дороге.

Гаррет, поддерживая малышку за спинку, чтобы не упала, взглянул на Джульет.

– Вы так много сделали для меня. Может, назовете свое имя?

– Джульет.

– Почти как в «Ромео и Джульетте»? – сказал он с улыбкой.

– Да, пожалуй.

«Только мой Ромео лежит в могиле за сотни верст отсюда, за океаном». Она опять уставилась в окошко, чтобы не встречаться взглядом с этими мечтательными глазами в обрамлении длинных ресниц, так похожими на глаза Чарльза, и не видеть на спинке дочери сильную мужскую руку, которая своим изяществом так напоминала руку ее отца. Теперь Джульет понимала, что, приехав в Англию, совершила ошибку. Как справиться с болью, если ей то и дело напоминают, что она потеряла?

– У вас акцент, – заметил Гаррет. – Вы явно не местная...

– Ох, лорд Гаррет, вам бы лучше помолчать. Берегите силы.

– Дорогой мой ангел милосердия, уверяю вас: мне гораздо полезнее разговаривать с вами, чем лежать молча и гадать, доживу ли до рассвета. Мне не хочется оставаться наедине со своими мыслями, поэтому, прошу вас, поговорите со мной.

Она вздохнула:

– Ладно. Уговорили. Я из Бостона.

– Графство Линкольншир?

– Колония Массачусетс.

Улыбка исчезла с его лица.

– Ах да... Бостон, – произнес он едва слышно и закрыл глаза, будто эти слова лишили его последних сил. – Вы оказались далековато от дома...

– Пожалуй, дальше, чем следовало.

Похоже, он даже не слышал ее, потому что добавил:

– В прошлом году у меня там погиб брат. Он был капитаном Четвертой армии, участвовал в подавлении мятежа... Мне его страшно не хватает.

Джульет прижалась щекой к спинке сиденья и глубоко вздохнула. Если этот молодой человек умрет, то так и не узнает, кем ему приходится кроха, что теребила сейчас его кружевное жабо, и незнакомка, которая ухаживала за ним в его последние минуты, а также почему, преодолев огромное расстояние, она оказалась в Англии.

Сейчас или никогда. И Джульет решила:

– Мне тоже.

– Простите, не понял?

– Мне тоже его страшно не хватает.

– Прошу прощения, я не вполне понимаю...

Гаррет замер, не договорив. Истина стала медленно открываться ему. Широко раскрытыми глазами он пристально смотрел на Джульет, и в его сознании, пусть и затуманенном болью, отдельные элементы, как в головоломке, постепенно складывались в цельную картину: Бостон... Джульет... «Мне тоже его страшно не хватает».

– Не может быть... – проговорил Гаррет, качая головой и рассеянно улыбаясь, как будто подозревал, что стал объектом глупейшего розыгрыша, или – еще хуже – как будто знал, что женщина говорит правду, но разум его отказывается ее принимать.

Он медленно рассмотрел каждую черточку ее лица.

– Мы все думали... Люсьен говорил, что пытался вас разыскать... Нет, у меня, должно быть, галлюцинация! Не может быть, что вы та самая Джульет.

– Но это действительно так, – тихо прозвучало в ответ. – И я приехала в Англию потому, что Чарли просил меня поступить именно так, если с ним что-нибудь случится.

– Но это просто непостижимо, я не могу поверить...

– Значит, он рассказывал вам обо мне? – с надеждой спросила Джульет, опасаясь взглянуть ему в глаза.

– Рассказывал? Да в своих письмах он только и твердил о своей любви к «колониальной деве», «прекрасной Джульет». Он сообщил также, что собирается жениться на вас. Я... вы... Господи, от потрясения я утратил дар речи, мисс Пейдж! Не могу поверить, что вы здесь, собственной персоной!

– Придется, – улыбнулась она печально. – Если бы Чарльз был жив, мы с вами были бы как брат и сестра, поэтому умоляю: не умирайте, лорд Гаррет. Я не переживу, если еще один лорд де Монфор безвременно уйдет в могилу.

Он вдруг закрыл лицо окровавленной рукой и затрясся всем телом. На какое-то мгновение Джульет показалось, что он умирает от потрясения, вызванного ее признанием, и что эта дрожь – агония. Она замерла от страха, но неожиданно заметила под кружевной манжетой белозубую улыбку: Гаррет трясся от смеха – и растерялась, не понимая, чему тут можно смеяться.

– Значит, эта малышка, эта капризуля...

– Ваша племянница.

Глава 4

«Моя племянница!»

В это самое мгновение Перри, щелкнув кнутом, галопом въехал в огромные ворота и на головокружительной скорости помчался по длинной подъездной дороге, покрытой щебенкой, к замку. Продолжать разговор было невозможно. В разбитом окошке появилась физиономия Чилкота, который скакал рядом с дилижансом, и послышался крик:

– Держись, Гаррет! Мы почти на месте!

Младший Монфор, придерживая руками ребенка, закрыл глаза. Голова его беспомощно моталась из стороны в сторону на коленях Джульет, но с губ не сходила улыбка. Мисс Пейдж наверняка подумает, что он спятил. Ну и пусть! Теперь, когда он узнал эту чудесную новость, он не собирался ни впадать в благословенное забытие, ни тем более умирать. Как бы не так! Не мог он лишиться себя удовольствия посмотреть, как будут развиваться события: например, увидеть выражение лица Люсьена, когда братец узнает, что у добродетельного, безупречного во всем Чарльза есть незаконнорожденный ребенок.

Глядя на Джульет снизу, Гаррет мог видеть лишь решительный подбородок и мягкие очертания щек.

Он уловил тот момент, когда она впервые увидела замок: глаза у нее округлились, и она наклонилась к окошку, чтобы разглядеть его получше. В результате и Гаррет смог рассмотреть ее. Чарльз не преувеличивал, описывая возлюбленную: она действительно была необыкновенно хороша: кожу лилейной белизны оттеняли темные волосы, уложенные в высокую прическу; милое личико с аккуратным носиком делали прекрасным огромные темно-зеленые глаза под тонко очерченными дугами бровей. Несмотря на миниатюрность и грациозность, в ней чувствовалась сила и смелость: Джульет полна энергии и не спасует перед трудностями. Не трудно догадаться, почему Чарли полюбил ее. Только вот ни веселья, ни наивности, о которых он с таким восторгом писал, не было в ней и в помине. Эта женщина казалась старше своих лет, как будто пала духом под бременем печалей и невзгод.

Нет уж, так дело не пойдет! Если он выживет, то излечит ее от этой напасти. Она слишком молода и хороша собой, чтобы раньше времени становиться старухой!

Он закрыл глаза, радуясь, что его голова покоится у нее на коленях и она заботливо и бережно придерживает ее. Подумать только: возлюбленная Чарльза и мать его ребенка здесь, в Англии, а крошечное тельце, которое прижимается сейчас к нему – его племянница, дочурка брата...

– Тпру! – заорал Перри, останавливая упряжку. – Эй, кто-нибудь!

Джульет придержала и малышку, и Гаррета, чтобы не упали. Дилижанс еще не успел остановиться, как дверцу распахнули настежь и внутрь ворвался порыв холодного ветра с дождем. Джульет поспешила взять Шарлотту на руки и почувствовала, как напряглось тело Гаррета, когда друзья ввалились внутрь дилижанса и – кто за плечи, кто за ноги – подняли его с ее насквозь пропитавшихся кровью юбок.

– Гаррет, нам нужно тебя перенести. Держись, старина!

Раненого вынесли, и Шарлотта опять раскричалась. Успокаивающе поглаживая дочь по спинке, Джульет с замиранием сердца наблюдала, как Гаррета несут к внушительным средневековым дверям замка Блэкхит. Прежде чем скрыться внутри, он махнул ей рукой. Она так и не поняла, что это был за жест: то ли прощальный, то ли молодого лорда просто забавляло, что все так суетятся вокруг него.

Она поднялась с сиденья и разгладила ладонями измятую окровавленную юбку, не зная, что делать: то ли последовать за остальными, то ли остаться в дилижансе и подождать, когда

кто-нибудь за ними придет. Очень скоро дверца открылась, в дилижанс заглянул Перри и протянул ей руку:

– Мадам?

Джульет благодарно ему улыбнулась и, завернув поплотнее малышку в одеяльце, спустилась с его помощью по ступенькам дилижанса. На мгновение она замешкалась в нерешительности, но Перри опять предложил ей руку и, ни слова не говоря, повел к замку.

Блэкхит оказался еще более величественным, чем описывал Чарльз. Джульет во все глаза смотрела на замок, преисполненная благоговейного страха. Перед ней возвышались две башни с амбразурами, шпили которых уходили, казалось, к звездам и были старше, чем само время. Над одной из них был смутно виден флагшток с полотнищем флага, которое, казалось, при каждом порыве ветра шелкало аж по самому черному небу, словно усмиряя его. Замок потрясал своим царственным величием. Джульет была ошеломлена, растеряна и вообще чувствовала себя здесь так, словно прибыла из другого мира.

При мысли о встрече с герцогом она чуть было совсем не утратила присутствия духа. Огромный замок с собственным флагом, деревня, через которую они только что проехали, земельные угодья на многие мили вокруг – все это принадлежало тому, кто мог пожелать, а мог и не пожелать отнестись к ней благосклонно. В Бостоне мысль отправиться в Блэкхит и попросить о помощи не вызывала у нее особого беспокойства, но теперь, когда она своими глазами увидела все это пугающее величие, собственный поступок показался ей слишком дерзким. А с другой стороны, если бы судьба сложилась иначе, она стала бы членом этой семьи, да и сам Чарльз просил ее поступить именно так.

Надо гнать прочь эти глупые мысли! Она в Англии, в семье отца своего ребенка, и отступать теперь поздно. А что касается высоких каменных стен замка, которые приближались с каждым шагом, то их грозный вид почти заставил ее пожалеть о том, что она сюда приехала, но Джульет справилась и собрала волю в кулак.

По правде говоря, у нее и выбора-то не было: ее отчим Закария еще в январе умер от пневмонии, так что жить ей стало негде и пойти некуда.

В Бостоне ей угрожала опасность. Как одинокая мать, отцом ребенка которой, по слухам, был ненавистный английский офицер, она подвергалась презрению, оскорблениям и угрозам. Хочешь не хочешь, а пришлось сделать то, о чем ее просил Чарльз, если не ради его самого, то ради их дочери. «Крепись, – сказала она себе. – Чарльз хотел, чтобы ты была сильной».

Они уже подошли к подножию каменной лестницы.

Дверь наверху, через которую внесли лорда Гаррета, осталась открытой, и из нее на газон падал луч света. Эта деревянная дверь была толщиной не менее двух футов и схвачена тяжелыми металлическими полосами, каждая из которых крепилась гвоздями с большими шляпками. Перри, который, судя по всему, был здесь частым и желанным гостем, помог Джульет подняться по лестнице и провел мимо двух ливрейных лакеев, застывших по обе стороны двери, в огромный холл. Там она и остановилась, с изумлением разглядывая сводчатый потолок, украшенный лепниной, высота которого была никак не меньше двухэтажного дома. Помещение было так велико, что небольшой домишко, в котором они с отчимом жили в Бостоне, мог без труда уместиться здесь целиком.

– Подождите, я скоро, – сказал Перри и быстрым шагом направился в здание по дорожке, оставленной капельками крови на блестящем мраморном полу. Миновав несколько дверей, он исчез за той, перед которой кровавый след обрывался.

Джульет осталась одна.

– Гаррет! Черт тебя побери, старина, только не умирай! Хью поскакал за доктором и с минуты на минуту вернется. Держись, только держись!

Пока друзья тащили его по каменным переходам и коридорам Блэкхита, Гаррет проклинал всех святых, самого дьявола и всю касту своих приятелей, суевившихся вокруг него из самых лучших побуждений. Каждая внезапная остановка, каждый крутой поворот причиняли ему невыносимую боль, и, стиснув зубы, он прижал руку к ране в боку, чтобы хоть немного уменьшить тряску. Его взгляд сквозь полуопущенные веки выхватывал то свечи в канделябрах, бросающие на стены оранжевые отсветы, то испуганное лицо служанки, то портреты на стене западного коридора; все предметы время от времени застилала сероватая дымка, но он храбро старался не терять сознания.

Чилкот неожиданно споткнулся, и боль сразу же вернула Гаррета к реальности: было ощущение, что у него сломался позвоночник.

– Черт бы тебя побрал, Чилкот! Надо было споткнуться об этот проклятый ковер! Хотя бы ради приличия не держался за меня!

Потом с шумом распахнулась дверь, и он увидел мягкие ковры, знакомую массивную кровать темного дерева и окна со свинцовыми переплетами, за которыми тянулась цепь холмов. Его комната. Слуги принялись отгибать покрывала и взбивать подушки, но Гаррет уже ничего не замечал и, как только Нейл Чилкот и Том Одлет уложили его на постель, погрузился в полубессознательное состояние, полное боли.

Смутно слышались возбужденные голоса. Кто-то снял с него сапоги, потом разрезали и стянули бриджи и остатки сорочки и стали обтирать восхитительно холодной водой лицо, обожженное крапивой.

Гаррет лежал без движения. А потом Перри, старый верный друг Перри, приподнял ему голову и влил в рот чудесного ирландского виски. Благодатный напиток опалил горло, опустился в желудок, а оттуда теплой волной растекаясь по всему телу, даря облегчение и ощущение блаженства.

Почувствовав приятное головокружение, Гаррет закрыл глаза и прошептал:

– Еще глоток, дружище, и можно помирать.

– Черт возьми, приятель, убери с физиономии эту дурацкую ухмылку! – буркнул Чилкот, но фляжку к губам все-таки поднес. – Это уже не смешно!

В ответ раненый сделал непристойный жест рукой и отхлебнул виски.

– Хорошо, что эта девушка сообразила сделать тампон: рана скверная, ты бы кровью истек, – заметил Одлет. – Держись, Гаррет: доктор Хайворт скоро будет здесь.

Гаррет отстранил фляжку до того, как впал в беспамятство, и, схватив друга за руку, пробормотал:

– Позаботься о ней! Ни в коем случае не оставляй ее наедине с Люсьеном.

– Но, Гаррет...

– Все, иди!

В этот момент все услышали шаги в коридоре: эхом отражаясь от каменных стен, они неумолимо приближались. Чилкот замер. Одлет затаил дыхание. Даже слуги, привычные ко всему, оцепенели.

И вот, наконец, на пороге появился он: Люсьен, подошел ближе и сурово уставился на него сверху вниз.

Гаррет даже с закрытыми глазами почувствовал присутствие брата. Этот взгляд был способен заморозить даже дьявола в пекле преисподней. На холодном лице было написано явное неодобрение и ярость.

В следующее мгновение он почувствовал прохладную руку Люсьена на своей щеке и услышал голос, который мог одурачить кого угодно из присутствующих, но только не его:

– Ах, Гаррет, Гаррет, вижу, ты опять влип в какую-то историю. Что произошло на сей раз, а? Нет, позволь мне самому угадать. Наверное, ты изображал живую мишень и держал пари, что никто из твоих приятелей не сможет в тебя попасть. Или, может, напился до чертиков и,

свалившись с Крестоносца, напоролся на частокол? Прошу тебя, дорогой мальчик, расскажи: я готов слушать хоть всю ночь.

– Иди к дьяволу, Люс!

– Хорошо, но сначала хотелось бы услышать объяснение.

Вот мерзавец! Гаррет сдержался и, решив не отвечать на его колкости, схватил Люсьена за рукав.

– Не прогоняй ее, Люс. Она нуждается в нашей помощи... Ради Чарльза мы должны позаботиться о ней и ребенке.

В коридоре послышались торопливые шаги, и дверь распахнулась.

– Сюда, пожалуйста, доктор Хайворт! – крикнул Чилкот.

– О ком позаботиться? – спросил Люсьен с явной угрозой в голосе, не обращая внимания на происходящее.

Гаррет с трудом повернул голову на подушке и, окинув брата затуманенным от боли и алкоголя взглядом, прошептал:

– О Джульет Пейдж... о женщине, на которой собирался жениться Чарльз. Она здесь, внизу... с его ребенком. Не прогоняй ее, Люсьен, иначе, клянусь, я тебя убью.

– Мой дорогой мальчик, – тихо произнес Люсьен с холодной усмешкой, – мне бы и в голову не пришло такое.

Он распрямил плечи и направился к двери, а Гаррет, не обращая внимания на доктора, пытавшегося его удержать, приподнялся на локте и крикнул ему вслед:

– Люсьен, черт тебя возьми...

Герцог даже не обернулся.

– Люсьен!

Собрав последние силы, Гаррет поднялся с кровати, но едва ноги коснулись ковра, лишился чувств и тяжело рухнул на пол.

Доктор, слуги, друзья тут же бросились к нему, а герцог даже не замедлил шаг.

Джульет все еще стояла в огромном холле, изумленно оглядываясь вокруг. Ничего похожего она не только никогда не видела, но даже представить себе не могла.

Слева и справа от нее навстречу поднимались витые каменные лестницы, которые, судя по всему, вели в те две башни. Всю стену целиком закрывал старинный гобелен с изображением сцен охоты. Высокие, от пола до потолка, окна разделяла каменная кладка, в стеклах отражались мерцающие огоньки огромной люстры, свисавшей с потолка, а за ними стояла ночная тьма. Какое великолепие и... расточительство! В нишах вдоль каменных стен красовались средневековые рыцарские доспехи со зловещими прорезями в забралах, а в простенках висели щиты, украшенные гербами, боевые топоры и другое старинное оружие.

Подумать только: Чарли здесь вырос... прикасался к этим камням, проходил под этими окнами, возможно, сотни раз стоял на этом самом месте...

Неожиданно ее охватил благоговейный трепет, и впервые за последний год она испытала облегчение, оттого что они с Шарлоттой наконец оказались в безопасности, под крышей дома, где некогда жил Чарльз. Здесь, в этом незнакомом замке, в чужой стране на нее вдруг повеяло чем-то родным. Она словно почувствовала присутствие Чарльза: будто смотрит он на них откуда-то с заоблачных высот и довольно улыбается, потому что знает – теперь они ни в чем не будут нуждаться. У нее глаза наполнились слезами. Еще ни разу после гибели Чарльза она не ощущала так сильно его присутствие.

Закусив предательски задрожавшую нижнюю губу, Джульет подняла повыше малышку и указала на рыцарские доспехи:

– Посмотри, моя хорошая: наверняка твой папа любил с ними играть, когда был маленьким мальчиком.

Но девочку больше занимала сверкающая люстра над головой, и Джульет, улыбнувшись сквозь слезы, подбросила дочь. Малышка взвизгнула от удовольствия, принялась сучить ножками и колотить кулачками.

О, Чарльз! Здесь ли ты? Видишь ли меня и свою дочь?

Джульет, пребывая в эйфории оттого, что после долгого пути добралась наконец до места, где о них позаботятся, не услышала неумолимо приближавшихся шагов и, лишь когда дверь распахнулась, замерла. Медленно опустив ребенка и крепко прижав к груди, как будто ей угрожала опасность, она повернулась к двери.

Футах в тридцати стоял высокий мужчина в черном бархатном халате, надетом поверх бриджей, плотно облегающих длинные мускулистые ноги в туфлях с серебряными пряжками, украшенными бриллиантами. Кружевное жабо было заколото булавкой с мерцающим рубином, а в глубине темных глаз мерцали огоньки. Волосы у него тоже были темные, как ночь за окнами, выражение лица упрямое, жесткое. Он и бровью не повел при виде ее грязных, пропитанных кровью юбок, когда, галантно поклонившись, представился:

– Я Люсьен де Монфор, герцог Блэкхит. Гаррет сказал, что вы знакомая Чарльза... И, судя по всему, очень близкая.

Последнюю фразу он произнес, бросив многозначительный взгляд на ребенка.

Джульет присела в реверансе, хотя с Шарлоттой на руках это получилось, наверное, не очень элегантно. Выпрямившись, она вскинула подбородок и храбро посмотрела на него. Взгляд непроницаемых черных глаз герцога был холоден.

– Да. Он сделал мне предложение и мы должны были пожениться.

– В таком случае, уверен, нам есть о чем поговорить. – Он жестом указал на дверь, через которую вошел в холл. – Пойдемте в библиотеку.

Его сочный баритон звучал ровно, вежливо, без всяких эмоций, но он не спрашивал ее согласия, а скорее приказывал.

– Да, разумеется, – пробормотала Джульет, испытывая неудобство из-за своего невероятно неряшливого внешнего вида.

Ей все же удалось взять себя в руки, и к двери она направилась с достоинством.

Они шли по длинному коридору, мимо стоявших навтыжку ливрейных лакеев, которые смотрели прямо перед собой, как будто вид молодой женщины в окровавленной одежде был самым заурядным явлением в замке Блэкхит. И одна мысль упорно не покидала Джульет: «Не умирайте, лорд Гаррет. Прошу вас, не умирайте. Мне, кажется, очень понадобится ваша помощь».

Глава 5

– Простите, ваша светлость, не могла бы я переодеться, прежде чем мы начнем разговор? Он шел на несколько шагов впереди: широкоплечий, высокий, властный. Язычки пламени свечей в настенных канделябрах как будто кланялись, приветствуя его, когда он проходил мимо; в его волосах отражался их свет.

– В этом нет необходимости, – холодно проговорил герцог, даже не оглянувшись.

Джульет ускорила шаг и, поравнявшись с ним, воскликнула:

– Но в таком виде неприлично появляться на людях!

– По-моему, все вполне прилично. Идемте. У меня мало времени.

– Но, ваша светлость...

– Дальше по коридору в стене есть ниша. Там имеется таз и кувшин. Умойтесь, если желаете, но не задерживайтесь: эта ночь и без того слишком долгая, чтобы терять время на всякие глупости. Я не отличаюсь терпением, мисс Пейдж.

Он указал на нишу, отделенную от коридора тяжелой темно-красной бархатной портьерой, и, не замедляя шага, распахнул массивные двери комнаты, расположенной чуть дальше по коридору.

– Жду вас в библиотеке через пять минут. И прошу не испытывать мое терпение.

Тяжелые двери захлопнулись за ним.

Боже милосердный, как он груб, как невоспитан! Если подобное поведение типично для представителей английской аристократии, то неудивительно, что Америка восстала против своей метрополии! Джульет резко отдернула портьеру, усадила Шарлотту на стул, стоявший в углу, и, налив немного воды в таз, принялась оттирать кровь бедняги Гаррета с рук.

Как он там? Герцог и словом не обмолвился о состоянии брата.

От горестных мыслей ее отвлекла, захныкав, Шарлотта. Джульет взяла ее на руки и, расстегнув лиф, приложила к груди. Малышка принялась с жадностью сосать, а она подумала, как отнесется герцог к ее опозданию.

Прошло минут десять, гнев ее немного поостыл, уступив место страху, тем не менее она гордо вздернула подбородок, расправила плечи и храбро открыла дверь в библиотеку.

Герцог Блэкхит стоял, небрежно опираясь на каминную полку итальянского мрамора, с бокалом бренди в тонких аристократических пальцах и был похож на черного ангела или какое-то божество, вершащее судьбы. Он поднял на нее черные пронизательные глаза, и Джульет почувствовала, что храбрость ее улетучивается.

– Садитесь.

– Я... мне не хотелось бы испачкать мебель.

– Ничего страшного: мебель можно заменить.

Джульет осмотрелась. Пол был застелен дорогим восточным ковром. В центре комнаты стояли кресла, обтянутые бархатом цвета сливы, у стены – софа с парчовыми подушками из конского волоса, французское кресло на тонких ножках, а возле камина – еще одно, похожее на трон: из резного дуба с сиденьем, обтянутым черной кожей.

Судя по всему, это было место хозяина, и Джульет направилась к нему, но не потому, что ей захотелось насолить герцогу или показать, будто она не считает его выше себя, а лишь из соображений практичности: ведь кожу можно отмыть.

– Не возражаете, если я сяду сюда?

Он безразлично пожал плечами:

– Как вам будет угодно.

С Шарлоттой на руках Джульет опустилась в глубокое, очень мягкое кожаное кресло, мучительно сознавая, что выглядит крайне непрезентабельно. Только вчера утром она тща-

тельно выбирала одежду в надежде произвести благоприятное впечатление на человека, на помощь и милосердие которого очень рассчитывала, для чего и пересекла океан. А теперь ее юбка цвета зеленого яблока, из-под которой виднелась нижняя юбочка, с любовью вышитая крошечными розочками, потемнела от крови. Туфли ее были в известковой грязи, мыс корсажа пропитался кровью, на темно-зеленом жакете, который так хорошо сочетался с рисунком в виде плюща, окаймлявшим подол платья, тоже виднелись кровавые пятна.

В общем, выглядела она ужасно, но герцог, кажется, не обратил на это никакого внимания. Не потрудившись проявить деликатность к чувствам Джульет, даже не подумав о том, что как гостья в этом доме она заслуживает более внимательного к себе отношения, он, не теряя времени, перешел к делу. Не успела она сесть, как он спросил без обиняков, при каких обстоятельствах она познакомилась с Чарльзом.

Пока Джульет говорила, он с раздражением смотрел на нее, и от этого мрачного взгляда ей стало не по себе. Она чувствовала: что-то не так.

– Значит, вы впервые увидели Чарльза при смотре войск на центральной площади Бостона, и это была любовь с первого взгляда. Я правильно вас понял? – Его губы тронула ироничная усмешка. – Не удивляйтесь, но мне в это верится с трудом.

– А что вас удивляет? Чарльз был очень привлекательным мужчиной.

– Чарльз, представитель одного из древнейших аристократических родов Англии, никогда не сделал бы предложения женщине более низкого происхождения. Будучи вторым сыном в семье, он не мог себе этого позволить. Да и что могло его привлечь в вас?

– Я считаю ваши слова оскорбительными, ваша светлость, – спокойно констатировала Джульет.

– Тем не менее я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос.

– Я не знаю, за что он меня полюбил.

– Попробую угадать: у вас вполне сносная фигура, хорошенькое личико, выразительные карие глаза – наверное, этого достаточно, чтобы мужчина оказался у ваших ног... и в вашей постели.

– Вы оскорбляете память своего брата такими заявлениями, ваша светлость. Чарльз был прекрасным человеком и вел себя как джентльмен.

– Ну мало ли что могло прийти в голову мужчине, которого забросило так далеко от дома, в змеиное гнездо мятежников. Наверное, в отсутствие женского общества сошла бы любая.

– Это не так: мы с Чарльзом любили друг друга, и он собирался жениться на мне.

– До того, как узнал о вашей беременности, или после? – с усмешкой уточнил герцог.

Она покраснела.

– После.

– Вам не приходило в голову, что он предложил вам пожениться из чувства долга, тогда как его сердце принадлежало другой?

– Нет, не приходило.

– А вы не задумывались о том, что уже при рождении ему было предначертано жениться на девушке своего круга, чье приданое позволило бы ему поддерживать тот образ жизни, к которому он привык?

– Если это и так, то он никогда не упоминал об этом. К тому же Чарльз не из тех, кто за деньги готов на все.

– Возможно, вы перед тем, как ехать сюда, задались вопросом, захочет ли его семья принять в свое лоно плохо воспитанную провинциалку?

Она посмотрела ему прямо в глаза и спокойно сказала:

– Да, я об этом думала.

– Но тем не менее приехали сюда...

– У меня не было выбора.

– Ах вот как!..

Джульет сжала кулаки в складках одеяльца дочери, изо всех сил стараясь сдержать нараставшее возмущение. Лицо ее покрылось пятнами, но она поклялась себе, что не позволит ему загнать ее в угол, как бы ни пытался. Если, унизив, он надеялся вывести ее из равновесия, то сильно ошибся: она сделана из более прочного материала, чем кажется на первый взгляд.

– Боюсь, ваша светлость, вы не за ту меня принимаете: я не охотница за богатыми покровителями и не ставлю себе цель вскарабкаться вверх по социальной лестнице. Смею вас заверить, что здесь речь идет только о чувствах. Чарльз был офицером королевской армии, я – простая девушка из Бостона, и, стало быть, мне запрещалось сближаться даже с самыми высококородными королевскими офицерами, если я не хотела, чтобы от меня отвернулось все местное общество, которое не выносит самого присутствия в городе регулярных войск.

Люсьен слушал, отхлебывая бренди и бесцеремонно разглядывая Джульет, но ничем не выдавал своих мыслей.

– Те, кто меня знал, относились ко мне с уважением. Пусть я не из благородного сословия и не обладаю несметными богатствами, как вы, но мой отчим был не последним человеком в городе, мы жили безбедно, работали и занимались благотворительностью. Мне не за что краснеть.

– Ваш отчим был «лоялистом», как писал Чарльз.

– Это не так: первое впечатление порой обманчиво. Как можно быть шпионом, если каждый в городе знает, кто ты такой?

– Да уж. Значит, шпионили вы: узнавали у моего брата все, что могли, и передавали информацию отчиму.

– Ничего подобного я не делала.

– Мятеежник, «лоялист»... Ну а вы сами-то кому симпатизируете, мисс Пейдж?

– Мне нет дела ни до кого, кроме дочери, – заявила Джульет, глядя прямо в холодные глаза.

Герцог вопросительно вскинул бровь, а она продолжила:

– Жизнь в Англии меня не привлекает: это чужая холодная страна, я не знаю здесь ни души и очень скучаю по дому. Мне совершенно очевидно, что мое присутствие в Блэкхите нежелательно, как я и предполагала. Больше всего я хотела бы вернуться в Америку и собрать по частям то, что осталось от моей жизни, но я дала обещание Чарльзу, а свои обещания я всегда выполняю.

– И что же вы такое пообещали брату?

– Обратиться к вам, если с ним что-нибудь случится.

– Что, по мнению Чарльза, я должен для вас сделать?

– Он надеялся, что вы примете нас, станете опекуном нашей дочери и дадите ей свое имя. Я не хотела приезжать сюда, но в Бостоне дела обернулись так, что у меня не осталось выбора: для меня важнее всего благополучие дочери.

– Чарльз погиб год назад. Поправьте меня, если ошибусь, – заметил он с некоторым сарказмом, – но, кажется, пересечь океан можно всего за месяц, а вам потребовался год.

– Я не могла отправиться в путь беременной, ваша светлость, потому что плохо себя чувствовала.

– А после рождения ребенка?

– Я боялась подвергать новорожденную риску, к тому же отчиму требовалась моя помощь в лавке и в таверне.

– Интересно, чем вы занимались в лавке и таверне, мисс Пейдж? Полагаю, подавали эль здоровякам клиентам, а те приставали к вам?

К щекам Джульет от возмущения прилила кровь, сердце гулко забило, но, не желая отвечать на его колкости, она сказала ровным тоном:

– И опять ошибаетесь, ваша светлость. Отчим ценил во мне здравый смысл и умение обращаться с цифрами. Он не хотел, чтобы я тратила время на беготню с подносом от кладовки к столам, а вела в лавке и таверне бухгалтерию. Я открывала лавку утром и закрывала вечером, закупала товары, торговалась с поставщиками, улаживала ссоры между поваром и прислугой.

Она помолчала, глядя ему в глаза без малейшего смущения, и добавила:

– Я не боюсь тяжелой работы, ваша светлость.

В глазах герцога мелькнула искорка интереса.

– Любопытно, что сказал ваш уважаемый отчим по поводу вашего решения отправиться в Англию?

– Ничего, потому что еще в январе умер от пневмонии.

– А как он относился к вашей интрижке с Чарльзом?

– Это была не интрижка, ваша светлость. Мы любили друг друга, были помолвлены и, как я уже говорила, собирались пожениться.

– Не суть. Вы не ответили на вопрос.

– Простите, но почему вы так грубы со мной?

– Не важно. А теперь ответьте – я настаиваю.

Чтобы не сорваться и не наговорить резких слов, Джульет так сжала пальцы в кулак, что ногти впились в ладонь.

– Нам с Чарльзом приходилось хранить свои чувства друг к другу в тайне, чтобы не подвергнуть себя опасности. В Бостоне британское присутствие решительно не одобрялось.

– Да, я знаю. Вы, американцы, этого не скрывали.

– Я не все американцы, – решительно заявила Джульет. – И отдала бы все на свете, лишь бы вернуть Чарльза. И смените этот издевательский тон: я не давала повода так со мной обращаться!

Он приподнял брови и внимательно посмотрел на нее сверху вниз. Она храбро ответила ему твердым взглядом.

В камине потрескивал огонь. Где-то в коридоре слышались голоса. И вдруг на холодном лице герцога мелькнуло некое подобие улыбки, как будто он отдавал должное ее мужественному сопротивлению... или предвкушал удовольствие, которое получит, вышвырнув ее из дома.

Выпрямившись, он подошел к боковому столику красного дерева и молча наполнил свой опустевший бокал из хрустального графина. Его чеканный профиль не выдавал никаких эмоций. Опершись на край стола и потягивая бренди, он наблюдал за ней прищуренными глазами, оценивая, изучая, словно перед ним был некий особенно любопытный экземпляр живого существа.

И это было ужасно.

– Вы удовлетворили свое любопытство? Теперь мне можно уйти? – не выдержала она, вставая.

– Уйти – куда?

– Куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Если потребуется, вернусь в Америку. Очевидно, Чарльз напрасно надеялся, что семья позаботится о его ребенке. Ни меня, ни его дочь здесь не желают видеть – это совершенно очевидно.

– Не делайте глупостей!

– Я руководствуюсь здравым смыслом, – ответила Джульет, закутывая Шарлотту в одеяльце.

– Здравый смысл у меня никак не ассоциируется с известными мне представительницами женского пола.

– Вам просто не повезло. Сама я родилась и выросла в лесном штате Мэн, и те, кто лишен здравого смысла, не обладает предприимчивостью и не закален суровыми условиями, там не выживают.

– В штате Мэн? Как же в таком случае вы оказались в Бостоне?

– Мой отец погиб, когда мне было шестнадцать лет, от когтей медведицы, защищавшей своего медвежонка. В Бостоне жил его двоюродный брат, тайно влюбленный в мою мать. После смерти отца он приехал за нами, по прошествии траура женился на маме и увез нас в Бостон. В семьсот семьдесят четвертом году мама умерла, а про отчима я вам уже рассказала. – Она взяла накидку, собираясь без оглядки бежать из этого дома. – А теперь, ваша светлость, когда я ответила на ваши вопросы, мне лучше уйти. Доброй вам ночи.

Прижав ребенка к груди, она торопливо прошла мимо него, направляясь к двери, но герцог остановил ее:

– Разве вы не хотите узнать, как самочувствие лорда Гаррета?

– Простите, ваша светлость, но вы не дали мне возможности спросить об этом.

– Думаю, он хотел бы поблагодарить вас – ведь вы спасли ему жизнь.

Джульет остановилась на полпути к двери, мысленно выругавшись: что он задумал на сей раз – и, не оборачиваясь, процедила:

– Скорее он спас мне жизнь, да и не только мне.

– Лорд Брукгемптон утверждает другое.

– Понятия не имею, кто это.

– Перри, – уточнил герцог с возмущительным спокойствием. – Он мне все рассказал.

В этот момент дверь распахнулась, и в библиотеку ворвались юноша и девушка.

– Мы только что были у Гаррета, и он сказал нам, кто она и чей это ребенок...

– Эндрю, Нерисса, уходите немедленно!

Джульет внимательно посмотрела на вошедших. Похоже, это еще два отпрыска семейства Монфор: тот же изгиб бровей и те же мечтательные глаза, окаймленные длинными ресницами, а также губы, носы, подбородки. Даже волосы у лорда Эндрю были такие же волнистые, как у Чарльза, только темно-русые.

Юноша направился прямо к ней и, взяв за руку, склонил голову в поклоне.

– Вы, должно быть, Джульет...

Глаза этого красивого молодого человека светились острым умом, но в их глубине мерцала озорная искорка – очевидно, он был не прочь при случае и пошалить.

– Я Эндрю, брат Чарльза, а это наша сестра Нерисса. Добро пожаловать в Англию и в поместье Блэкхит.

Девушка никак не отреагировала на слова брата: все ее внимание было обращено на малышку, спящую на руках матери.

Прелестные голубые глаза девушки наполнились слезами умиления, когда, нерешительно шагнув к Джульет и умоляющим жестом протянув к ней руки, она прошептала:

– Можно мне подержать ее?

Смирившись с судьбой, Джульет передала малышку ее тетушке и раздраженно подумала: «Прощай, попытка улизнуть отсюда».

Нерисса, склонившись над завернутой в одеяльце Шарлоттой, отошла в сторонку и вдруг расплакалась, чем весьма удивила Джульет.

– Это лорд Эндрю и леди Нерисса, – недовольно проговорил герцог и, обратившись уже к ним, добавил: – Если уж хотите представиться, то по крайней мере сделайте это как полагается.

Эндрю отмахнулся от его слов и направился к столику, где стоял графин.

– Перестань, Люсьен. Она приехала из колонии, и вся эта чушь ее не волнует.

– Я сказал, чтобы ты оставил нас, Эндрю. Немедленно покинь помещение, пока я не рассердился.

– Я просил бы называть меня «лорд Эндрю», если не возражаешь.

Герцог, потеряв терпение, с грохотом поставил бокал на стол. В помещении мгновенно воцарилась тишина. Джульет затаила дыхание, остро почувствовав враждебность в отношениях этих двух братьев: властного и сурового старшего и пылкого, дерзкого, открыто демонстрирующего неповиновение младшего. На какое-то мгновение ей даже показалось, что дело дойдет до драки, но нет: герцог крепко держал свои эмоции в узде и не мог позволить себе опуститься до драки с собственным братом, тем более в присутствии посторонней.

Уступая победу в этой пустяковой битве Эндрю, хотя бы ради того, чтобы избежать сцены, герцог лишь кивнул и предложил:

– В таком случае садись. Садитесь оба.

Нерисса, все еще с племянницей на руках, села, а Эндрю не счел нужным подчиниться приказанию, поэтому не спеша налил себе бренди, прошел к дальнему из кресел и только тогда сел, лениво закинув ногу за ногу.

– Да, вы именно такая, как вас описывал Чарльз. Теперь я понимаю, почему он увлекся вами, мисс Пейдж, – сделав большой глоток бренди, заявил мятежный лорд.

– И не только Чарльз, – добавила Нерисса. – Гаррет тоже поет вам дифирамбы, и сейчас там, наверху, они с друзьями пьют за ваше здоровье. Он рассказал о вашем мужественном поведении. Похоже, вы всех совершенно очаровали.

– Боюсь, лорд Гаррет преувеличивает, – возразила Джульет, безуспешно пытаясь прикрыть руками кровавые пятна на юбке. – Это он поступил как герой.

– Нет-нет, – сказал Эндрю, размахивая бокалом. – Гаррет, конечно, не пример для подражания, но никогда не лжет.

– Что правда, то правда, – подтвердила его сестра.

Джульет заметила, что герцог по-прежнему наблюдает за ней и на губах его играет все та же едва заметная усмешка, от которой становилось не по себе, и, пытаясь игнорировать этот загадочный взгляд, спросила:

– Кстати, как себя чувствует лорд Гаррет?

– Он немного ослаб от потери крови и хорошей порции ирландского виски, а в остальном чувствует себя вполне сносно. Таков уж он, наш Гаррет, – сказал Эндрю, одним глотком допив остатки бренди. – Знаете, жители деревни называют его Дикарем за бесшабашные поступки. Не далее как на прошлой неделе он вот что придумал: его приятели, такие же шалопаи, изобразили живую пирамиду на деревенском лугу, а он на своем Крестоносце перепрыгнул через нее и выиграл кучу денег: народ делал ставки, – а на позапрошлой неделе...

– Довольно, Эндрю! – резко оборвал его герцог, расправляя плечи.

– Послушай, Люс, даже ты не можешь не признать, что было безумно весело, когда они напоили поросенка миссис Доркин.

– Это было вовсе не «безумно весело», как ты выразился, а невероятно глупо. Особенно если учесть, что успел натворить поросенок.

Нерисса, склонив голову, чтобы не рассмеяться, с преувеличенным вниманием рассматривала один за другим крошечные пальчики Шарлотты.

– Но сегодняшняя поступок превосходит все остальное, – никак не унимался Эндрю. – Кто бы мог подумать, что Гаррет у нас герой, а, Люс?

– Да, ты прав: никто и подумать не мог, что Гаррет вообще способен хоть на что-нибудь стоящее, – загадочно пробормотал герцог, допивая остатки бренди. – А теперь, с вашего позволения, я должен кого-то отправить в Рейвенском: надо позаботиться о несчастных пассажирах дилижанса, а также разобраться с разбойником, хотя об этом следовало подумать вашему брату: ваш багаж в дилижансе, мисс Пейдж?

– Да, но я думаю, мне лучше уйти.

– А я думаю, что вам следует отдохнуть, прежде чем принимать решение, – возразил он с возмутительной доброжелательностью. – Уверен, что неожиданная встреча с младшим братом Чарльза, тем более при таких драматических обстоятельствах, не способствовала вашему душевному равновесию.

Он улыбался, но за этой странной улыбкой скрывалось что-то такое, чего она не понимала. Его черные глаза продолжали внимательно наблюдать за ней, и от такого пристального внимания у нее сжималось все внутри. Пожалуй, слишком.

– Лорд Гаррет чем-то похож на Чарльза, не находите?

– Ваша светлость, не хотелось бы спорить с вами, но мне гораздо удобнее остановиться где-нибудь в деревне...

– Что? – хором воскликнули Эндрю и Нерисса.

– Ваш багаж помечен, мисс Пейдж? – спокойно спросил герцог, никак не отреагировав на ее заявление.

– Да, конечно, но...

– Паддифорд!

Дверь распахнулась, и появился ливрейный лакей с непроницаемым выражением лица, готовый исполнить любое приказание.

– Паддифорд, позаботься, чтобы доставили багаж мисс Пейдж и принесли в ее комнату. Нерисса, проследи, чтобы нашей гостье было удобно, и пришли кого-нибудь ей прислуживать. – Герцог бросил на Джульет очередной оценивающий взгляд. – Думаю, в голубой комнате вам будет удобно.

– Ваша светлость, я не хотела бы злоупотреблять вашим гостеприимством...

– Вздор, дорогая! Ваше поведение достойно восхищения, и ваши ответы на мои вопросы меня вполне удовлетворили. Не сердитесь. Разве вы не поняли, что я просто проверял вас этим старым, испытанным методом?

Проверял... но зачем? Джульет чуть не заплакала: то ли от возмущения, то ли от унижения, – но предпочла промолчать. Герцог улыбнулся, поклонился и, не сказав больше ни слова, вышел.

Она осталась стоять, уставившись на дверь, за которой скрылся Люсьен де Монфор. К ней тотчас подбежали Эндрю и Нерисса и принялись успокаивать. Откуда ей было знать, что герцог непревзойденный мастер манипулировать людьми? Откуда ей было знать и то, что в отношении нее у него имелись свои планы? Не знала она также и того, что, когда герцог Блэкхит вышел в большой холл и потребовал шляпу, перчатки и своего коня по кличке Армагеддон, его глаза коварно и радостно поблескивали.

Никто, кроме слуг, этого не видел, а они будут молчать.

Да, у его светлости, несомненно, были свои планы, причем далекоидущие...

Глава 6

Если забыть о неприятной беседе с герцогом, то английское гостеприимство во всем его великолепии Джульет сразу же ощутила на себе.

Эндрю отозвал слугу в сторонку, дал ему какие-то указания и куда-то исчез. Сквозь распахнутую дверь Джульет увидела, как лакеи торопливо тащили ее сундуки, потом в комнату вошла дородная служанка, забрала Шарлотту и унесла, заявив, что ее надо искупать и перепеленать.

Затем в библиотеку одна за другой впрорхнули несколько милостивых молоденьких горничных, выстроились перед Нериссой, словно на смотринах, и та, улыбнувшись, подозвала одну из девушек.

– Это Молли. Она приготовит для вас ванну и растопит камин, мисс Пейдж. Будьте нашей гостьей.

– В какой комнате, миледи? – уточнила служанка.

Нерисса задумчиво постучала ноготком по зубу и взглянула на Джульет.

– Думаю, в комнате лорда Чарльза.

Джульет судорожно вздохнула. Они что, издеваются? После нападения разбойников, переживаний из-за лорда Гаррета, изнурительного допроса, которому ее подверг герцог, где взять силы, чтобы еще лечь в постель Чарльза?

Нерисса не дала ей времени на раздумье: что-то весело напевая, кивком предложила Джульет следовать за ней, а когда они шли по коридору, заметила:

– Не позволяйте Люсьену так с вами разговаривать. Он и в лучшие времена порой вел себя как чудовище, но после того как в прошлом месяце леди Хартфилд попыталась с помощью шантажа заставить его жениться, стал и вовсе невыносим. Понятно, что теперь брат не слишком высокого мнения о женщинах. Просто не берите в голову. Хотите пожелать Гаррету спокойной ночи, прежде чем уйдете в свою комнату?

Все еще не смирившись с мыслью, что ей предстоит спать в постели Чарльза, Джульет немного растерялась, а Нерисса, не так истолковав причину ее нерешительности, тихо добавила:

– Я думаю, он будет рад.

– Но удобно ли это?

– Конечно. Мы пойдем к нему вместе.

Нерисса, опять махнув рукой, чтобы Джульет следовала за ней, шурша юбками по древним камням ступеней, начала подниматься по лестнице, такой широкой, что пять человек, взявшись за руки, могли подниматься по ней одновременно, и еще осталось бы место.

Лестница вела их в длинный коридор с обшитыми деревянными панелями стенами, в который выходило несколько дверей, а из-за одной из них раздавались пьяные голоса, что-то распевавшие. Им вторили взрывы смеха.

Именно эту дверь Нерисса не раздумывая открыла, и грубый хохот немедленно прекратился.

– Джентльмены! Мы пришли навестить Гаррета, так что ведите себя подобающим образом.

Она отступила в сторону, шире распахнув дверь, и позвала Джульет.

Та нерешительно остановилась на пороге, чтобы приспособиться к полумраку, царившему в комнате. Несколько почти догоревших свечных огарков, язычки пламени которых плясали на сквозняке, не могли осветить огромное помещение, лепной потолок которого был высотой не менее пятнадцати футов.

Наконец попривыкнув, Джульет разглядела приятелей Гаррета, расположившихся по всей комнате в самых непринужденных позах.

Чилкот, устроившись на диване у окна, размахивал пустой бутылкой, засунув указательный палец в горлышко.

Перри в расстегнутом жилете развалился в обитом парчой кресле. Галстук у него съехал набок, лицо расплылось в глупой улыбке. Имена других она не знала, но все были ей знакомы. Один, с крупным носом и глазами, налитыми кровью, тупо смотрел на нее из-под волнистых каштановых волос, неряшливо выбившихся из косицы; другой – грузный как ломовая лошадь – лежал на спине и храпел, а его парик, словно дохлая крыса, валялся на полу возле дивана; третий, щуплый и задиристый, пьяно икая, приветствовал ее, салютуя бутылкой.

Наконец увидела она и Гаррета де Монфора. Он возлежал на массивной кровати резного дуба, обложенный множеством подушек. Волосы его растрепались, сорочка была натянута прямо на голое тело, на губах блуждала сонная улыбка. Он взглянул на нее, и второй раз за эту ночь сердце Джульет неожиданно забилося чаще.

Она знала, что под простыней на нем ничего нет, и от осознания этого ее бросило в жар, даже стало трудно дышать. Джульет с удивлением почувствовала, что сокровенная часть ее тела – та, что отличает женщину от мужчины, – словно воспламенилась, отреагировав на него, лежавшего среди простыней и подушек. Она бы наверняка бросилась бежать из комнаты, если бы не Нерисса, стоявшая у нее за спиной.

В неверных отблесках его кожа казалась золотистой, мускулатура груди и основания шеи выглядела более рельефной, а завитки каштановых волос на груди и отросшая щетина отливали медью. От одного его взгляда у Джульет едва не подкосились ноги: он обладал каким-то фатальным обаянием, которого не было даже у Чарльза. От этих мыслей, а также от своей реакции на картину, представшую ее взору, она, как ни странно, почувствовала себя виноватой, словно предала человека, которого любила, и с трудом проглотила комок, образовавшийся в горле.

– Подойдите ближе, – попросил он негромко.

В комнате стало тихо. Джульет сделала несколько шагов вперед, понимая, что глаза всех присутствующих направлены на нее. Сердце бешено колотилось, руки тряслись, ладони увлажнились. Как только она подошла к кровати, лорд Гаррет взял ее руку, поцеловал и произнес заплетающимся языком:

– Вы... ангел.

Она улыбнулась:

– А вы, лорд Гаррет, напились.

– К стыду моему, да, но, учитывая обстоятельства, это полезно.

– Вам очень больно?

Он усмехнулся, все еще не выпуская ее руки:

– Если честно, мисс Пейдж, то я вообще ничего не чувствую.

Где-то за ее спиной хохотнул Чилкот, но она не обернулась. Только сейчас, когда Гаррет взглянул на нее из-под упавших на лоб прядей, Джульет рассмотрела, что глаза у него светло-голубые и очень сонные.

– Похоже, вам и правда лучше и вашей жизни ничто не угрожает.

Она высвободила руку и убрала с его лба волосы.

– Да, умирать я передумал. Знаете, мне понравилось быть героем. Я, пожалуй, буду почаще выезжать на большую дорогу спасать прекрасных дам, попавших в беду.

Его шуточный тон никак не вязался с серьезным взглядом голубых глаз, который проник в потаенные уголки ее сердца, о существовании которых она давно забыла.

– Обещайте, что не позволите Люсьену запугать вас.

– Не позволю.

Он кивнул, удовлетворенный, и глаза его медленно закрылись.

– Спасибо, что пришли навесить меня, мисс Пейдж.

– А я благодарю вас, лорд Гаррет, за все, что вы сделали для меня и всех нас сегодня, – сказала Джульет, стараясь, чтобы голос не дрожал, и вдруг неожиданно для себя наклонилась и поцеловала его в лоб. – Я обязана вам жизнью.

Потом она шагала рядом с Нериссой вдоль полутемного коридора, и их шаги были единственными звуками, нарушавшими тишину дома. Было тепло, но она поеживалась, как от озноба. Сердце все еще учащенно билось, и ей очень хотелось выбежать наружу и вволю надышаться холодным ночным воздухом. Что с ней происходит? Почему она так реагирует на лорда Гаррета? Ничего подобного она не испытывала с тех пор, как не стало Чарльза.

Джульет вздрогнула и попыталась выбросить из головы эти мысли. Конечно же, ее сердце так колотится потому, что сейчас она войдет в комнату Чарльза, а ее реакция на Гаррета объяснялась лишь тем, что он был его братом.

А если не лгать самой себе? Правда же заключалась в том, что Чарльз был здесь совершенно ни при чем...

– С вами все в порядке, Джульет? – обеспокоенно спросила Нерисса.

Джульет заставила себя улыбнуться:

– Да, спасибо. Просто день выдался тяжелый.

– Еще бы! – с сочувствием сказала Нерисса, окинув ее пронизательным взглядом голубых глаз.

Джульет показалось, что юная леди догадывается о чувствах, которые она испытывает. Что она может подумать?

Наконец девушка остановилась перед массивной резной дверью и обернулась.

– Чарльз гордился бы вами. Вы нашли в себе силы проделать весь этот долгий путь и приехать в Англию ради того, чтобы дать своему ребенку имя и семью. И пусть вас не тревожит поведение Люсьена: если не поможет он, то это сделает один из нас.

Нерисса приоткрыла дверь и позвала:

– Марта, можешь отправляться спать! Спасибо, что принесла колыбельку из детской.

Из комнаты, позевывая, вышла та самая дородная женщина, которая забрала Шарлотту.

– Об этом позаботился лорд Эндрю, миледи: сказал, что скорее всего мисс Пейдж не захочет разлучаться с дочерью, а еще сказал, что, пока не удастся найти в деревне кормилицу, некоторое время придется держать ребенка здесь, а не в детской. Малышка сейчас спит, но скоро ее надо будет покормить.

– Ну и ну! Я и не подозревала, что Эндрю разбирается в таких вопросах, – удивленно сказала Нерисса.

– Спасибо за помощь, Марта, – поблагодарила Джульет и повернулась к юной леди: – Благодарю и вас, леди Нерисса. Вы все так добры к нам.

Марта просияла:

– Не стоит благодарности, мадам. Давненько в этом доме не было младенцев, скажу я вам.

– Что правда, то правда, – улыбнулась уголком губ Нерисса. – А теперь иди, Марта. Уверена, что мисс Пейдж хочет отдохнуть.

Марта присела в книксене и неторопливо пошла к себе по длинному коридору.

Нерисса проводила ее взглядом.

– Знаю, вы не привыкли к слугам, но если потребуется помощь Молли, то дерните за шнурок звонка у изголовья кровати. – Девушка порывисто обняла Джульет. – Я рада, что вы приехали! А теперь доброй ночи. Увидимся утром.

– Доброй ночи, леди Нерисса, – улыбнулась в ответ Джульет.

Она еще долго смотрела вслед юной леди, пока звук ее шагов постепенно не затих. Ей так не хотелось входить в эту комнату одной...

Глубоко вздохнув, она медленно открыла дверь и вошла.

Здесь было тихо, в камине потрескивали горящие поленья, а отблески пламени падали на медную ванну и напольную подставку для полотенец. Чуть дальше виднелась колыбелька, в которой спала ее дочка. Джульет осторожно закрыла за собой дверь и остановилась, опустив руки, вглядываясь в смутные очертания мебели. В углу стояла большая кровать с пологом, на комодe – единственная свеча, узкий лучик света которой прорезал темноту...

Чарльз...

Она ожидала, что здесь, в его комнате, почувствует его присутствие, но нет: только свеча, она сама да ее спящая дочь... и ничего больше – ни запаха, ни воспоминаний. Просто комната – и все.

Джульет медленно обошла просторное помещение. Ее юбки касались пола, по которому он ходил, пальцы прикасались к вещам, которые некогда принадлежали ему, но его самого здесь не было. Он оставался таким же далеким, как все эти одинокие месяцы в Бостоне.

«О, Чарльз! Я никогда еще не чувствовала себя такой одинокой».

Она прислонилась спиной к столбику, поддерживавшему полог, и, глядя на огонь, почувствовала себя обманутой в ожиданиях.

– Чарльз?

Ей никто не ответил: в комнате по-прежнему стояла тишина, – а потом захныкала, проснувшись, Шарлотта. Джульет взяла ее на руки и крепко прижала к груди, глаза защищало от непролитых слез.

Он умер, ушел навсегда. Разве безжизненная пустота этой комнаты не служит тому подтверждением?

Она прижимала к груди Шарлотту, безуспешно пытаясь вызвать в себе ощущение того, что у нее было и чего никогда больше не будет: эйфорию первой любви, от которой кружилась голова и захватывало дух. Тогда при одной мысли о красивом британском офицере у нее замирало сердце. Какой юной и наивной она была, когда верила в то, что с Чарльзом они навеки вместе и что смерть не посмеет тронуть такого полного сил и энергии молодого человека, каким он был. Кажется, с тех пор прошли годы, и все-таки что-то в ней шевельнулось, когда она увидела его брата, лежавшего в постели: красивого, мускулистого, прикрытого лишь тонкой простыней, – и почувствовала что-то давным-давно забытое.

Желание?..

Джульет покачала головой. Неудивительно, что она не чувствовала присутствия Чарльза в этой комнате: все заслонил собой образ его привлекательного младшего брата.

Шарлотта неожиданно больно дернула ее за выбившуюся прядь, напомнив, что, кроме себя, ей есть о ком подумать. Джульет осторожно высвободила волосы из крохотного кулачка, уселась на стул, расстегнула лиф и приложила девочку к груди. Глядя в угасающее пламя, она думала о Чарльзе, а еще о своей реакции на Гаррета и о том, какая она ужасная, если способна на такое. В конце концов мысли ее так перепутались, что она вообще перестала о чем-либо думать.

К тому времени, когда закончила кормить Шарлотту, вода в ванне совсем остыла, но, сбросив грязную одежду, Джульет все-таки вымылась и, дрожа от холода, насухо вытерлась полотенцем, надела ночную сорочку и улеглась в постель, застеленную свежими простынями. Голова ее коснулась мягкой подушки, на которой некогда спал ее возлюбленный, она закрыла глаза... и увидела Чарльза, того блестящего британского офицера верхом на великолепном коне, который производил смотр войск, браво маршировавших по городской площади.

Джульет опять пережила тот момент, когда он впервые заметил, что она наблюдает за ним из окна, и приветственно прикоснулся к своей треуголке, а потом увидела тот день, когда он впервые зашел в их лавку, заговорил с ней, а две недели спустя они встретились за дрова-

ным сараем, и он наградил ее первым волшебным поцелуем, от которого она чуть не потеряла сознание.

– О, Чарльз, вернись, мой любимый... – пробормотала она сквозь сон и, вздохнув, перевернулась на другой бок.

Но Чарльз больше не приходил – вместо него появился кто-то другой: возник из дождливой английской ночи, заслонив собой от пули ребенка.

Она подбежала к нему, раненому, приподняла голову, и на нее взглянули мечтательные голубые глаза... но не Чарльза, а его брата.

Глава 7

Гаррет проснулся как от толчка, перед самым рассветом. Сквозь раздвинутые шторы в комнату проникал слабый свет, где-то за окном пел черный дрозд. Огонь в камине догорел, в комнате было прохладно, и он натянул на себя одеяло, прикрыв плечи. Приятели давно разошлись. «Наверное, после того как я заснул, их выставил Люсьен», – подумал Гаррет, не решив пока, благодарить ли за это брата. Ему вспомнились слова, сказанные вчера доктором: «Вам повезло, чертовски повезло, милорд: еще бы полдюйма – и пуля раздробила бы ребро, а попади она чуть выше – пробила бы легкое, тогда вполне могла возникнуть реальная угроза жизни».

Мысль эта здорово отрезвляла.

Рана оказалась не такой опасной, как он думал сначала, если бы не кровопотеря. Да черт с ней, с этой раной: сейчас его мучила адская головная боль. И виной тому – перебор с ирландским виски.

И все же, несмотря на жестокое похмелье и пульсирующую боль в боку, Гаррет был вполне доволен собой и на лице его играла глупая улыбка. Приятно, черт возьми, быть героем, а уж удовольствие, которое он получил, когда мисс Джульет Пейдж пришла к нему пожелать доброй ночи и поцеловала – пусть и в лоб, – не описать словами. Он вздохнул, откинулся на подушку и опять улыбнулся, довольный. Этот поступок говорил о том, что она признательна ему, что он все сделал правильно.

Гаррет не привык, чтобы кто-нибудь был ему благодарен, поэтому сейчас чувствовал себя едва ли не счастливым.

Черный дрозд все еще заливался за окном, и он, опять засыпая, представил себе, как Джульет Пейдж, словно посланный Небом ангел милосердия, с благоговением смотрит на него, отважного героя, раненного на поле брани.

Когда час спустя к нему в комнату зашел Люсьен, Гаррет крепко спал, но лицо его все еще озаряла улыбка.

Завтрак великий герой проспал, а к моменту его пробуждения весть о произошедшем распространилась по всей округе, и в замок начали приносить цветы, записочки и даже стихи, восхвалявшие поступок Гаррета.

Он и раньше пользовался успехом у дам, но никогда еще их восторги не проявлялись столь бурно, как в то чудесное апрельское утро. Узнав о том, что он, рискуя жизнью, спас людей и был к тому же ранен, все женское население Беркшира пришло в неистовое волнение. Группа красневших от робости и глупо хихикавших девиц из деревни принесла ему целую охапку сирени. Полдюжины роз доставили от леди Джейн Сноу, а следом – дюжину от ее сестры, леди Энн. Коробку конфет и сочные апельсины прислала мисс Эми Вудсайт. Письма и записочки сыпались десятками. Мисс Салли Чилкот, такая же безмозглая, как и ее братец Нейл, разразилась восторженными стихами.

Люсьена все это раздражало, и когда в очередной раз лакей вошел с посланием на серебряном подносе в столовую, где все они сидели за завтраком, его терпение лопнуло.

– Будет ли этому конец? – пробормотал герцог и в сердцах швырнул послание в кучу писем, выросшую на столе перед пустым стулом Гаррета.

Взяв чашку с кофе, он снова погрузился было в чтение «Джентлменз мэгэзин», но Эндрю, намазывая маслом кусочек хлеба, протянул, нарочито капризно растягивая слова:

– Ну вскрой его, Люс. Может, и правда что-нибудь стоящее. Поэма, например, посвященная отважному лорду Гаррету де Монфору.

Он презрительно фыркнул, а Нерисса, державшая Шарлотту на коленях, заявила:

– Что бы там ни было написано, это предназначено только для Гаррета! А ты ему просто завидуешь – ведь не тебе уделяют столько внимания.

– Ошибаешься, милая сестричка. У меня есть дела поважнее, чем отбиваться от внимания назойливых гусынь.

– Не потому ли это, что «назойливые гусыни» не слишком балуют тебя своим вниманием? – огрызнулась в ответ Нерисса.

– Ну просто как дети, – снисходительно пробормотал герцог, не отрываясь от журнала.

Джульет молча размешивала сахар в чашке с чаем и чувствовала себя очень неудобно. Она так и не поняла, почему во время вчерашнего разговора герцог так странно обошелся с ней, и до сих пор не знала, намерен ли он принять их в семью и взять под свою опеку Шарлотту. Он даже не упомянул об этом, и пока Нерисса не привела ее сюда завтракать, она его не видела и возможности спросить об этом не имела. Здесь, за столом, в присутствии двух препиравшихся друг с другом юнцов, разговор на эту тему казался неуместным, и Джульет хотела поговорить с герцогом с глазу на глаз.

Может быть, после завтрака она попросит уделить ей немного времени.

– Не обращайтесь внимания, мисс Пейдж, – дружелюбно сказал Эндрю, неправильно истолковав причину обеспокоенного выражения ее лица. – Мы с сестрой живем как кошка с собакой, и, боюсь, в нашем доме это в порядке вещей. Со временем и вы привыкнете.

Джульет взглянула на герцога: интересно, пожелает ли он ее выслушать? – но он даже не удостоил ее взглядом.

– За Эндрю тоже бегали бы девушки, если бы он не сидел, уткнув нос в книги, а обращал побольше внимания на окружающий мир, – сказала Нерисса и добавила, обращаясь к брату: – Расскажи мисс Пейдж о своем изобретении.

– Да ну, пустяки, – буркнул Эндрю, но Джульет заметила, как у него зарделись щеки, и поинтересовалась:

– Что за изобретение?

Юноша пожал плечами и, усердно намазывая маслом второй кусок хлеба, как бы между прочим сказал:

– Я пытаюсь построить летательный аппарат.

– Летательный аппарат? – Джульет от удивления чуть не уронила чашку с чаем.

– Да, понимаю, это кажется безумной затеей, но если летают птицы, летают воздушные змеи, летают даже листья на ветру, то почему не может человек?

– Если бы Господь хотел, чтобы мы летали, то дал бы нам крылья, – заметил герцог, не отрываясь от журнала.

– Я так не думаю, – возразил Эндрю.

– Да, а если бы хотел, чтобы мы бороздили моря, то дал бы нам плавники, – подхватила Нерисса. – Но поскольку не сделал этого, человеку пришлось изобрести корабль. Так почему нельзя изобрести летательный аппарат? Я считаю идею Эндрю заслуживающей внимания.

– А я считаю, что она просто смехотворна! – резко заявил герцог, даже не потрудившись взглянуть на сестру. – Эндрю – один из немногих студентов Оксфорда за последние двадцать лет, которые не предавались бражничеству и распутству, а серьезно учились. И ради чего? Ради изобретения летательного аппарата! Совершенно нерациональная трата полученных знаний и никчемное расходование энергии чертовски неплохого мозга!

Глаза Эндрю вспыхнули гневом, а Нерисса воскликнула:

– Люсьен, это жестоко и несправедливо!

– Я лишь констатирую факты.

– Если бы одни, как Эндрю, не изобретали то, что другие считают невозможным, на свете не появилось бы ничего нового!

Эндрю, с грохотом отодвинув стул, выскочил из столовой, чуть не сбив с ног входившего в дверь слугу, но тот и бровью не повел, хотя Нерисса тоже вскочила и бросилась следом за рассерженным братом. Герцог же с невозмутимым видом продолжал читать журнал, как будто ничего не произошло, даже не сразу заметив слугу, который принес на серебряном подносе очередное послание.

– Для лорда Гаррета, ваша светлость.

Ни слова не говоря, герцог бросил записку в кучу на столе, и слуга бесшумно выскользнул из комнаты.

Люсьен поднял глаза и, встретив осуждающий взгляд Джульет, усмехнулся:

– Похоже, вы тоже считаете меня жестоким и бессердечным, но Эндрю не способен сосредоточить внимание на чем-то одном: хватается за все подряд и ничего не доводит до конца. – Он отхлебнул кофе и хитро добавил: – Если время от времени не поддразнивать его и не подзадоривать, никогда не возьмется за свой аппарат.

– Вы мастер манипулировать людьми, ваша светлость. Такими методами вы добиваетесь полного подчинения?

На его губах опять появилась эта загадочная улыбка.

– Да, если это необходимо, мисс Пейдж. А теперь сделайте одолжение, отнесите эти письма Гаррету. От их запаха у меня начинается мигрень.

Джульет удалось самостоятельно найти дорогу, и, поднявшись на верхнюю площадку, она остановилась перед приоткрытой дверью в его комнату и ухватилась за резные перила, с некоторым удивлением заметив, что сердце ее почему-то ускорило свой бег. Да что с ней происходит? Почему она так нервничает? У нее что, мало других причин для беспокойства, куда более серьезных? И одна из них – планы герцога Блэххита.

Почему он отправил с этим поручением именно ее, хотя было бы куда разумнее – и, разумеется, приличнее! – послать кого-то из слуг. Джульет подозревала, что герцог что-то затевает, и это ее тревожило. Люсьен де Монфор, как искусный кукловод, дергает за веревочки, и все, сами того не желая, делают то, что ему нужно. Он умышленно поддразнивает и раздражает Эндрю, да и с ней поступил так же во время беседы прошлой ночью, герцог сам сознался в этом. Только вот какими соображениями он руководствовался, Джульет не знала, да и, по правде говоря, не хотела знать. Она сама не могла представлять интерес для Люсьена, да и получить от нее нечего...

Постояв возле приоткрытой двери и прислушавшись, но не уловив ни звука, Джульет робко толкнула дверь, с облегчением отметив, что она не скрипнула: петли хорошо смазаны. Что греха таить, она нервничала. Крепко зажав пачку писем в ладони, Джульет собралась с духом и бесшумно скользнула внутрь.

В комнате было неестественно тихо. Она огляделась, отыскивая место, чтобы положить письма, и старательно избегая смотреть в сторону кровати. На полу валялась подушка, чуть подальше – другая, третья. Наверное, Гаррет сбросил их во сне: видимо, очень беспокоила боль. Подняв глаза, она увидела переливающийся золотым блеском полог, перехваченный малиновым шнуром с кистями, резное изголовье, а на подушке – голову с растрепанной шевелюрой. Лишь тонкая простыня прикрывала мускулистое тело.

У Джульет запылали щеки, и она поспешно отвела взгляд, устыдившись, что вторглась туда, куда не следует, пусть и не по своей инициативе. Надо поскорее положить куда-нибудь эти письма, хотя бы на комод, и бежать отсюда без оглядки!

Она уже направилась к комоду, но передумала: ведь раненому придется встать с постели, чтобы взять их. Нечего делать: придется положить корреспонденцию на столик возле кровати. Только бы он не проснулся!

Джульет была готова задушить герцога Блэкхита собственными руками за то, что поставил ее в такое неловкое положение.

Прикрыв глаза рукой, как будто заслоняясь от солнца, глядя на носки своих туфель, чтобы не смотреть на мужчину, который лежал в постели, она осторожно двинулась к кровати.

Краешком глаза она все же видела покрывало и старалась не поднимать глаз, но, как Пандору перед запретным ларцом, ее одолело любопытство и взгляд упал туда, куда не следовало. На расстоянии вытянутой руки она увидела изгиб мускулистого плеча, обнаженный торс, перевязанный чистым белым бинтом, и очертания бедер, ясно различимые под легкой простыней и не оставлявшие простора для фантазий...

В это мгновение он вздохнул и перевернулся на другой бок. Джульет замерла на месте, моля Бога, чтобы Гаррет не проснулся и не обнаружил возле своей постели непрошеную гостью, которая, широко раскрыв глаза, наблюдала за ним. О господи, только бы не проснулся!

Она на цыпочках подошла ближе и положила пачку писем на мраморную столешницу прикроватного столика, но так нервничала и спешила, что задела их рукавом и они с тихим шелестом разлетелись по полу.

Лорд Гаррет открыл глаза и улыбнулся, а Джульет судорожно сглотнула.

Заметив ее смущение, он дал ей время прийти в себя и, преувеличенно громко зевнув, пробормотал:

– Мм... вы все еще здесь, и это хорошо...

– Хорошо? – мучительно покраснев и в замешательстве попятившись от кровати, удивленно переспросила Джульет.

– Да, хорошо. Видите ли, ночью мне приснилось нечто странное: будто бы мой брат жив, но не в своем привычном обличье, а в образе маленькой девочки, и что прекрасная молодая женщина пришла в мою спальню и наблюдала за мной, пока я спал.

Он улыбнулся, тепло глядя на нее.

– Теперь я понимаю, что, возможно, мне это и не приснилось и благодарен брату, что он не отослал вас прочь.

– Я... мне нужно идти, – прошептала смущенная Джульет.

– Уже? Но я ведь только проснулся. Если вы уйдете, могу и обидеться.

Гаррет сел в постели, опершись спиной на подушки, потянулся, разминая мышцы, и уже с неподдельным удовольствием громко зевнул.

– Как там Люсьен? – поинтересовался молодой человек и опять улегся на подушку, заложив руки за голову и открыв ее взору тренированные мускулы.

Окончательно смутившись, Джульет покраснела и отвела взгляд.

– Ну, как сказать... Он весьма...

– Понимаю, с ним непросто.

Она с растерянной улыбкой пожалала плечами, не желая плохо отзываться о герцоге.

– Он деспотичен? Груб, жесток, вспыльчив, неприятен?

Джульет заметила озорные искорки в его глазах, поэтому ответила уклончиво:

– Я не готова это повторить.

– Почему нет? Ведь все это правда. – Остатки сна слетели с него, взгляд стал острее. – Что он сказал относительно Шарлотты? Он намерен взять ее под свою опеку?

– Я не знаю. Он даже не намекнул, каковы его планы.

Гаррет выругался вполголоса.

– Во время завтрака он не сказал об этом ни слова – лишь поддразнивал лорда Эндрю, – а потом попросил меня отнести вам эти письма. Я старалась не разбудить вас, но... – Она покачала головой. – Мне очень стыдно.

– Почему?

– У меня нет привычки заходить в спальню мужчины, тем более когда он спит!

– Прошу вас, мисс Пейдж, не уходите. Мне так приятно ваше общество!

– Но это неприлично!

– Неужели? Мне скучно, лежать надоело, и поговорить больше не с кем.

– Но и со мной общаться не лучший вариант, особенно когда вы лежите голый под простыней...

Он удивленно вскинул брови:

– Как вы узнали, что я голый, мисс Пейдж?

– Я не смотрела на вас, если вы это подумали!

– Напротив, смотрели... я имею в виду – в моем сне.

– Лорд Гаррет!

Он рассмеялся, и в голубых, как небо за окном, глазах заплясали озорные искорки. Джульет смутилась, заметив неприкрытое влечение в его взоре, и отвела взгляд, почувствовав, как по телу прокатилась приятная теплая волна. Сама того не желая, она улыбнулась: ей нравился лорд Гаррет, и она нравилась ему. Было приятно и то, что он сказал правду.

– А чем занимаетесь вы? – решила сменить тему на более безопасную Джульет.

– Занимаюсь? – не понял Гаррет.

– Ну, Чарльз был офицером, Эндрю мечтает стать изобретателем, Люсьен – герцог, а вы?

– Я?

Ей показалось, что на мгновение он растерялся. Разве могла она знать, что он подумал: «Я бесполезный прожигатель жизни. Паршивая овца. Позор семьи. Чем я занимаюсь? Бездельничаю».

– Я... развлекаюсь, – ответил Гаррет, взглянув на нее из-под густых ресниц с таким невинным видом и одарив такой обезоруживающей улыбкой, что она не могла не рассмеяться.

– И это все, что вы обычно делаете?

– Пока да. И должен признаться, лежать в постели мне наверняка скоро наскучит, поэтому вы просто обязаны ежедневно навещать меня, мисс Пейдж. Клянусь, что буду хорошо себя вести, если пообещаете приходить и развлекать меня.

Она рассмеялась, взяла пачку писем и положила ему на грудь.

– Держите. Если вам станет скучно, это поможет скоротать время.

– Но у меня нет настроения их читать. Думаю, они все похожи. Достаточно прочесть одно, и станет ясно, что написано во всех остальных.

– Так прочтите хоть одно.

– По правде говоря, нет желания, тем более что я только проснулся.

Он все еще лежал, заложив руки за голову, и с плутоватой улыбкой смотрел на нее.

Она обвела взглядом комнату и только сейчас заметила, что в ней полно цветов. Они были всюду: на комод, на подоконнике, на письменном столе. Взглянув и на пачку писем, оставивших запах духов на ее ладони, Джульет почувствовала то, что можно было бы назвать ревностью, если бы имела для этого причины. Она едва знала лорда Гаррета. И то, что ее связывало с Чарльзом, еще не давало ей права претендовать на какие-то особые отношения с его братом.

– Как много цветов! – заметила Джульет, чтобы хоть что-то сказать, и украдкой вытерла ладонь о юбку, пытаясь избавиться от запаха духов. – Вы, похоже, дамский угодник, лорд Гаррет?

– Вы так думаете?

– А вы?

Он нарочито скромно пожал плечами, признавая, что, мол, да, так оно и есть, но в данный момент это не имеет никакого значения.

– А ваш брат тоже пользовался успехом у дам?

– Кто, Чарльз?

– Ну конечно.

Гаррет окинул ее еще более потеплевшим взглядом:

– По крайней мере у одной прекрасной леди – точно.

Она вспыхнула и опустила глаза, пряча улыбку.

– У Чарльза, конечно, имелись поклонницы, но он был слишком честолюбив, целиком отдавал себя сначала учебе, потом военной карьере, так что бегать за юбками ему не хватало времени – по крайней мере так он говорил. Все дело в том, что наши родители – а потом и Люсьен – безупречно организовали его жизнь, а он был не из тех, кто восстает из одного лишь духа противоречия.

– Понимаю... Герцог намекнул, что Чарльз должен был связать себя узами брака с какой-то другой девушкой, из его круга...

– Да, это произошло еще до того, как он появился на свет, но, разумеется, не означает, что у него были какие-то чувства к той девушке.

– А как насчет вас? Будучи предполагаемым престолонаследником, вы тоже связаны какими-то обязательствами?

Гаррет усмехнулся:

– Дорогая мисс Пейдж, я как раз из тех, кто восстает из одного лишь духа противоречия. Если я когда-нибудь надумаю жениться, то это будет мой выбор, а не Люсьена.

– Понятно... Я почему-то так и подумала: вы никогда не последуете курсом, который проложил для вас Люсьен или кто-то другой.

– И вы совершенно правы, хотя это еще не значит, что он не попытается настоять на своем. – Гаррет по-прежнему нежно смотрел на нее, но улыбка постепенно угасла и на лице появилось выражение сочувствия и понимания. – Вы все еще тоскуете по нему, да?

Джульет тоже стала серьезной и, задумчиво глядя в окно на зеленые холмы, сказала:

– Мне кажется, я всегда буду горевать о нем, лорд Гаррет. И все еще отчетливо помню ту ночь, когда в последний раз видела его живым. Какое радостное было у него лицо, когда я сообщила ему, что жду ребенка! Он опустился на колени и попросил меня выйти за него замуж! Я таким его и запомнила: стоящим передо мной на колени, со склоненной головой, при свете свечи, который отражался в его золотистых волосах...

– Как это романтично!

– Да, и порой я благодарна судьбе за то, что не видела его мертвым, хотя иногда это тяжелее... как будто не поставлена точка. Мне так и не пришлось поплакать над его телом, попрощаться с ним. И это до сих пор причиняет боль. Утратить любимого человека само по себе тяжело, но еще тяжелее, когда теряешь его внезапно и к тому же не имеешь возможности попрощаться с ним.

– Да, я понимаю, что вы имеете в виду.

Гаррет на мгновение замолчал, погружившись в свои печальные мысли, созвучные ее воспоминаниям, горя о брате, чего не смог, а возможно, не пожелал, сделать ни один человек по другую сторону Атлантики.

Это их неожиданно сблизило, даже сроднило.

– Вам тоже его не хватает...

– Как и вам...

– Вчера леди Нерисса предложила мне занять его комнату. Вам, наверное, покажется это глупым, но я думала... надеялась, что каким-нибудь образом почувствую его присутствие там.

– И что же?

– Нет, – призналась она, задумчиво глядя в пол, – я ничего не почувствовала.

– Не знаю, утешит ли это вас, – помедлив, сказал Гаррет, – но я тоже никогда не чувствовал там его присутствия.

– Значит, и вы бывали там в надежде снова приблизиться к брату?

– Конечно, и не раз. Должен сказать, мисс Пейдж, я очень рад, что брат любил женщину, которая и через год после его смерти остается верной его памяти. – Взгляд его погрузнел. – Это, конечно, хорошо – для Чарльза, но не для женщины, которую он покинул. Вы должны продолжать жить, мисс Пейдж. Уверен, что и он хотел бы того же.

– Да, я знаю, и мне это вполне удавалось, пока не встретила вас, – призналась Джульет. – Ваше необычайное сходство с Чарли всколыхнуло во мне воспоминания.

– Но между мной и Чарльзом сходство лишь внешнее, – сказал Гаррет, опять одарив ее своей теплой улыбкой, от которой у него появлялись ямочки на щеках, а у нее замирало сердце. – Если вы узнаете меня получше, мисс Пейдж, то поймете, что я совсем не похож на Чарльза.

Натянув простыню до подбородка, он попытался взять бокал и бутылку с мраморной столешницы, где лежали пачки писем, но не дотянулся и, поморщившись, опять откинулся на подушки.

– Позвольте вам помочь, – предложила Джульет, увидев, как он побледнел.

– Со мной все в порядке, просто немного болит бок, – попытался улыбнуться Гаррет. – Наверное, действие ирландского виски прошло и боль вернулась.

Джульет подобрала разбросанные по полу подушки.

– Похоже, ночь была беспокойной.

– Ничего, случалось просыпаться и от куда более сильных ощущений, чем сейчас. У меня к вам просьба, мисс Пейдж: не нальете ли вы мне немного виски? Я сам пока...

– Да-да, конечно, – засуетилась Джульет, ругая себя за то, что сама не сообразила.

До краев наполнив бокал, она подала ему, и пальцы их случайно соприкоснулись. Он улыбнулся, а она непроизвольно вздрогнула, наблюдая, как он привычно опрокидывает в себя крепкий напиток. Допив до конца, он вернул ей бокал, и щеки его немного порозовели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.